

Научная статья
УДК 32+39(540)
doi: 10.17223/2312461X/39/3

Размытые границы: дискурс коррупции, культура политики и воображаемое государство

Акил Гупта

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, США

Аннотация. В данной работе я предпринимаю попытку написать этнографию государства, исследуя дискурсы коррупции в современной Индии. Я фокусируюсь на практиках низшего уровня бюрократического аппарата в маленьком городе Северной Индии, а также на репрезентациях государства в средствах массовой информации. Исследование таких транслокальных институтов, как «государство», позволяет обсудить ограничения включенного наблюдения как техники полевой работы. Анализ приводит меня к тому, чтобы поставить под вопрос европоцентрические различия между государством и гражданским обществом, и служит критикой концептуализации «государства» как монолитной и унитарной сущности.

Ключевые слова: государство, публичная культура, полевая работа, дискурс, коррупция, Индия

Для цитирования: Гупта А. Размытые границы: дискурс коррупции, культура политики и воображаемое государство // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 19–63. doi: 10.17223/2312461X/39/3

Original article
doi: 10.17223/2312461X/39/3

Blurred Boundaries: the Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State

Akhil Gupta

University of California, Los Angeles, USA

Abstract. In this article I attempt to do an ethnography of the state by examining the discourses of corruption in contemporary India. I focus on the practices of lower levels of the bureaucracy in a small north Indian town as well as on representations of the state in the mass media. Research on translocal institutions such as “the state” enables us to reflect on the limitations of participant-observation as a technique of fieldwork. The analysis leads me to question Eurocentric distinctions between state and civil society and offers a critique of the conceptualization of “the state” as a monolithic and unitary entity.

Keywords: the state, public culture, fieldwork, discourse, corruption, India

For citation: Gupta, A. (2023) Blurred Boundaries: the Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State (Translated from English by Budzinskiy Stanislav S., Kirpichnikov Ivan A.). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 19–63 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/3

Занимаясь полевой работой в маленькой деревне в Северной Индии (в 1984–1985 и вновь в 1989), которую я назову Алипур, я был поражен тем, насколько часто тема коррупции всплывала в повседневных разговорах местных жителей. Большинство историй, которыми мужчины делились друг с другом вечерами, когда дневная работа подходила к концу и маленькие группы собирались в привычных местах, чтобы поболтать, имели отношение к коррупции (*bhrashtaachaar*) и «государству»¹. Иногда речь заходила о том, как некто сумел обхитрить чиновника, который хотел получить взятку; порой – о том, сколько надо «выложить», чтобы провести электричество к новому трубчатому колодцу или получить займ на покупку буйвола; в других случаях – о том, какой чиновник был переведен, кого назначат на определенную должность или кого заменят, кто по собственной воле бескорыстно помог членам своей касты или родственникам и т.д. Разделы уголовного кодекса цитировались и обсуждались в детальных подробностях, правомерность определенных действий по обходу стандартных процедур горячо дебатировалась; заявления окружных чиновников вызывали продолжительную полемику. Порой казалось, что я очутился посреди специфической дискуссии с собственным эзотерическим лексиконом, в который, будучи обывателем и чужаком, не был посвящен.

По прошествии лет описанная картина поражает тем, насколько плотно государство вплелось в ткань повседневной жизни. Безусловно, деревни Северной Индии в этом отношении не уникальны. И именно неисключительность данного явления делает загадкой столь редкое обращение к нему. Что обеспечивает государству невидимость – его вездесущность? Или относительное невнимание к государству в антропологических исследованиях обусловлено методологией, которая отдает предпочтение личным контактам и пространственной близости – тому, что можно назвать «физикой присутствия»?

В данной работе я предпринимаю попытку написать этнографию государства, исследуя дискурсы коррупции в современной Индии. Этнографическое изучение государства включает в себя анализ как *повседневных практик* местных бюрократий, так и *дискурсивного конструирования* государства в публичной культуре. Такой подход выявляет фундаментальные предметные и методологические вопросы.

---

¹ Вместо громоздкого заключения «государства» в кавычки на протяжении текста, я буду в дальнейшем опускать их за исключением случаев, когда хочу явно подчеркнуть реифицированную природу объекта, обозначенного этим термином.

В предметном отношении он позволяет препарировать государство, фокусируясь на разных бюрократиях, при этом не предполагая их единства или согласованности. Он также дает возможность проблематизировать отношение между транслокальностью «государства» и неизбежной локализованностью его воплощений в должностях, институтах и практиках. С методологической точки зрения, данный подход приводит к вопросам о способе применения этнографических методов с целью понять функционирование транслокального института, который проявляется в локализованных практиках. Каков эпистемологический статус объекта анализа? Как правильно собирать данные и какой масштаб анализа выбрать?¹

Этнография государства в постколониальном контексте должна быть также согласована с традицией западных исследований государства. В данной статье я утверждаю, что принятое различие между государством и гражданским обществом, на котором основана значительная часть исследований государства, нуждается в пересмотре. Не идет ли речь об «империализме категорий» (Nandy 1990: 69), который позволяет натурализовывать и универсально применять специфическую культурную конфигурацию «государства/гражданского общества», порожденную особым историческим опытом Европы? Вместо принятия этого различия в качестве отправной точки, я использую анализ дискурса коррупции, чтобы поставить под сомнение его полезность в индийском контексте. Дискурс коррупции оказывается ключевым пространством, в рамках которого воображаются государство, граждане и другие организации и агрегации. Вместо рассмотрения коррупции в качестве дисфункционального аспекта государственных организаций, я вижу в нем механизм, посредством которого «государство» как таковое дискурсивно конституируется².

Помимо описания и анализа, данная работа также имеет программную задачу: наметить новые пути, по которым смогут с успехом продвигаться будущие антропологические исследования государства. Цель – обозначить некоторые из наиболее важных отношений на масштабном полотне, тем самым представив набор предложений, которые могут быть развиты, поставлены под сомнение и отвергнуты другими специалистами в данной области. Таким образом, данная работа пополняет быстро растущий корпус креативных текстов, который обогатит понимание «государства» (некоторые примеры: Abrams 1988; Anagnost

---

¹ Схожие вопросы поднимались ранее Надер (Nader 1972: 306–307).

² Такой анализ имеет важные следствия для политического действия, поскольку предполагает, что борьба за гегемонию встроена в конструирование государства. Он отвергает реификацию государства, заложенную как в авангардистских движениях, направленных на «его» свержение, так и реформистских движениях, которые стремятся действовать в «его» рамках.

1994, 1995, 1997; Ashforth 1990; Brow 1988; Cohn 1987a, 1987b; Handelman 1978, 1981; Herzfeld 1992a; Kasaba 1994; Mitchell 1989, 1991; Nugent 1994; Taussig 1992; Urla 1993; Yang 1989).

Я должен отметить, что нужно сделать гораздо больше, чтобы заложить эмпирический базис для этнографий государства. Слишком мало полноценных этнографических описаний, которые документируют, что чиновники низшего уровня в действительности делают от имени государства¹. Исследования государства – с их концентрацией на крупномасштабных структурах, эпохальных событиях, политических трендах и «важных» людях (Evans et al. 1985; Skocpol 1979), не смогли должным образом осветить рутинные практики бюрократов (Bourdieu 1977), которые показывают нам влияние государства на повседневную жизнь сельских жителей. Удивительно мало исследований проведено в малых городах (в случае Индии, на уровне подокруга [*tehsil*]), где в большом количестве живут и работают государственные служащие, составляющие широкое основание бюрократической пирамиды: деревенские служащие [*village-level workers*], кадастровые чиновники, учителя начальных классов, сотрудники службы по распространению сельскохозяйственных знаний, персонал гражданских госпиталей и другие. Именно здесь большинство жителей такой деревенской и сельскохозяйственной страны, как Индия, сталкиваются с «государством», здесь формируются многие из их представлений о государстве.

Хотя исследование практик местных государственных чиновников необходимо, оно само по себе не является достаточным для понимания того, как государство конструируется и репрезентируется. В связи с этим требуется рефлексия по поводу ограничений, заложенных в полевых данных. Дискурс коррупции, например, опосредован местными бюрократами, но не может быть в полной мере понят, если оставаться в географически ограниченном пространстве подокружного городка. Хотя в этой работе я подчеркиваю роль публичной культуры и транснациональных феноменов, это не значит, что полевые методы традиционной этнографии [*the face-to-face methods of traditional ethnography*] нерелевантны. Но я, тем не менее, хочу усомниться в допущении относительно естественного превосходства – претензии на аутентичность – имплицитного в интеллектуальных притязаниях, которые порождены самим фактом «присутствия здесь» (это можно назвать «онтологическим императивом»). Эти притязания на исти-

---

¹ Херцфельд отмечает: «Таким образом, антропология, с ее пристрастием к экзотическому и примечательному, по большей части игнорировала практики бюрократии... Тем не менее это умолчание, как заметил Хандельман, является примечательным упущением» (Herzfeld 1992a: 45). Работа Хандельмана (Handelman 1978, 1981) следует призыву таких исследователей, как Надер (Nader 1972), «заполнить пробелы в знаниях» и пытается проделать для бюрократий то, что такие этнографы, как Ролен (Rohlen 1974, 1983), сделали для других институтов – банков и школ.

ну черпают свою силу именно в том, что цепляются за взаимосвязанные понятия «общества» и «культуры». Как только культуры, общества и нации перестают однозначно соответствовать различным пространствам (Appadurai 1986; Gupta, Ferguson 1992; Hannerz 1986), нужно переосмыслить отношение между телесным присутствием и производством этнографических данных. Центральность полевой работы как ритуала посвящения, как критерия аутентичности «данных» и как основания для суждений об интерпретациях зиждется на редко подвергаемой сомнению идее о том, что культурные различия исследуются главным образом посредством феноменологического знания, полученного в поле. Такое внимание к *опыту* существования в пространственной близости к «другому», с сопутствующим акцентом на чувственном восприятии, связано с *эмпиристской* эпистемологией¹, в рамках которой нельзя постичь, каким образом государство дискурсивно конституируется. Именно по этой причине я соединил полевую работу с другой практикой, применяемой антропологами, – практикой, важность которой часто принижается в дискуссиях о нашем коллективном методологическом инструментарии. Речь идет об анализе широко распространенного культурного текста – газеты (ранний пример см. Benedict 1946; показательная недавняя дискуссия может быть найдена в работе Herzfeld 1992b)². Я рассматривал репрезентации государства и «публичного» в индийских газетах на английском и местных языках.

Фокусируясь на дискурсивном конструировании государства, я хочу привлечь внимание к мощным культурным практикам, при помощи которых государство символически репрезентировано для его должностных лиц и граждан нации³. Эти публичные культурные практики осуществляются в пространстве соперничества, которое не может быть концептуализировано как замкнутая область, очерченная национальными границами. Народные, региональные и национальные идеологии соперничают за гегемонию друг с другом, а также с *транснациональными* потоками информации, вкусами и стилями, заложенными в продуктах, поставляемых мультинациональным капиталом⁴. Исследование дискурсивного конструирования государства, таким образом, с необходимостью требует внимания к транснациональным процессам в межго-

---

¹ Должно быть понятно, что я делаю различие между эмпиристской эпистемологией и эмпирическими методами. Я определенно *не* утверждаю, что нужно забросить эмпирические исследования.

² Более развернутый анализ включает в себя значительные устно-историческую и архивную составляющие, а также более широкую выборку различных средств массовой информации. См. также прекрасную статью Ашиля Мбембе (Mbembe 1992) с многообещающим использованием газетных статей.

³ По этой проблеме см. статьи Митчелла (Mitchell 1989) и Тауссига (Taussig 1992).

⁴ Работа Гандлера (Handler 1985) совершенно замечательно показывает, как это соперничество реализуется в случае объектов, которые региональное правительство Квебека хочет обозначить как *patrimoine* региона.

сударственной системе (Calhoun 1989). Межгосударственная система, в свою очередь, не является зафиксированным порядком; она подвержена преобразованиям, порождаемым действиями наций-государств, а также изменениями в международной политической экономике – в период, обозначаемый как «поздний капитализм» (Mandel 1975) или эра «гибкого накопления» (Harvey 1989). Например, новая политика либерализации, которой придерживается правительство Конгресса Индии с момента выборов 1990 г., может быть понята лишь в контексте транснационального дискурса «эффективности», продвигаемого Международным валютным фондом (МВФ), и развала бывшего Советского Союза, одного из ключевых стратегических и экономических партнеров Индии. Аналогичным образом напряженные дискуссии о коррупции в Индии в 1989 г.¹, главным предметом которых являлись транзакции в международной экономике вооружений, привели к появлению сложного переплетения локальных дискурсов и интернациональных практик. Какова теоретическая значимость этих наблюдений? Если коротко, всякая теория государства должна учитывать, что оно конституируется на основе сложного набора *пространственно* пересекающихся репрезентаций и практик. Это не означает, что в каждом эпизоде базовых взаимодействий деревенских жителей и чиновников можно обнаружить ясные транснациональные привязки [linkages]. Мы лишь хотим показать, что такие привязки имеют структурирующие эффекты, могущие определять контексты, в которых осуществляются повседневные практики. Вместо попыток найти локальную или низовую концепцию, как если бы она была замкнутой сама в себе, и рассмотрения «локального» как непроблематичной и целостной пространственной единицы, мы должны уделить внимание «множественно опосредованным» [«multiply mediated»]² контекстам, в которых государство конструируется.

В своем анализе я в значительной мере опирался на других этнографов Южной Азии, которые уделили внимание государству. Серена Н. Тенекун (Tenekoon 1988) проанализировала ритуалы развития, приуроченные к открытию большой гидросистемы на Шри-Ланке, и продемонстрировала, что символическое распределение воды по всем уголкам страны становится способом репрезентации охвата государства. Пронизывая – в буквальном смысле – пространство нации, государство обозначает свою вездесущность и транслокальность. И, с другой сторо-

---

¹ Скандал, который стал известен как дело Бофорса, предположительно был связан с откатом при заказе вооружения индийским правительством у шведского производителя. Скандал приобрел резонанс из-за того, что, как считалось, откат предназначался высокопоставленным членам правительства и партии Конгресса – может быть, даже самому премьер-министру. Само собой, правящая партия не проводила расследование с большим рвением, и конкретных доказательств так и не было обнаружено.

² Это выражение принадлежит Лате Мани (Mani 1989).

ны, Джеймс Брау (Brow 1988) показал, как государственный жилищный проект на Шри-Ланке делает государство видимым, в конкретной форме, для жителей. В данном случае акцентируется, что воплощение государства в таких пространственных маркерах, как домá, позволяет вообразить транслокальность¹.

Поскольку этнография государства, предложенная в данной статье, фокусируется на дискурсе коррупции, и поскольку коррупция сама по себе, безусловно, относится к числу едва скрываемых стереотипов о Третьем мире, имеет смысл кое-что сказать о том, как я развиваю взгляд на государство, который является эксплицитно анти-ориенталистским. Когда представления о коррумпированных «недоразвитых» странах соединяются с девелопменталистской точкой зрения, в рамках которой отношения «государство–общество» в Третьем мире² рассматриваются как отражение предшествующей стадии развития «продвинутых» индустриальных наций, с соблазном сравнить «их» с «нашим собственным прошлым» не могут совладать многие западные ученые³. Вместо этого нужно задаться вопросом о том, каким образом можно использовать сравнительное исследование политических формаций Третьего мира, чтобы противостоять «естественности» концептов, возникших из исторического опыта и культурного контекста Запада. Фокус на дискурсивном конструировании государств и социальных групп позволяет увидеть, что традиция западной науки о государстве состоит в универсализации определенной культурной конструкции отношений «государство–общество», в рамках которой специфические понятия «государственности» и «гражданского общества» нераздельны⁴. Вместо того, чтобы основываться на этих понятиях, данная статья пытается показать их провинциальность на фоне бесчисленных культурных и исторических контекстов⁵.

---

¹ Прекрасное эссе Майкла Вуста (Woost 1993) также поднимает схожие вопросы.

² Термин «Третий мир» объединяет и гомогенизирует то, что в действительности является различными и гетерогенными реальностями (Mohanty 1988). Более того, он предполагает, что «Первый» и «Третий» миры существуют как отдельные и делимые пространства (Ahmad 1987). Я буду использовать прописные буквы, чтобы подчеркнуть его проблематичный статус. Аналогично «Запад» с очевидностью не является гомогенной и единой сущностью. Я использую данный термин, обращаясь к эффектам гегемонистских представлений о Западе, а не подчиненных ему традиций. Я тем самым использую термин для обращения к специфическому историческому сочетанию места, власти и знания, а не к географическому пространству.

³ Явление, который Йохан Фабиан (Fabian 1983) называет «аллохронизм».

⁴ Данный тезис высказан Партхом Чаттерджи (Chatterjee 1990) в качестве ответа Чарльзу Тейлору (Taylor 1990); его последняя книга (Chatterjee 1993) переформулирует и развивает этот аргумент.

⁵ Я благодарен Дипешу Чакарбарти за то, что впервые обратил мое внимание на это. См. отличную заключительную главу его монографии о рабочем классе в Бенгалии (Chakrabarty 1989), в которой он непосредственно разбирается с этим вопросом.

Я начинаю с подборки зарисовок, которые дают представление о функционировании «государства» на локальном уровне и отношении деревенских жителей к государственным институтам. Повседневные взаимодействия с государственными бюрократиями, в русле моей логики, составляют ключевой ингредиент в конструкциях «государства», сформированных местными жителями и чиновниками. Затем я обращаюсь к более широкому полю репрезентаций «государства» в публичной культуре. Наконец, я предпринимаю попытку продемонстрировать, как взаимодействия с государством на локальном уровне согласуются с репрезентациями в средствах массовой информации. В заключении я последовательно обращаюсь к более широкому теоретическим вопросам, поднятым в статье.

Встречаясь с «государством» на локальном уровне

Для большинства индийских граждан непосредственная встреча с государством – это взаимодействие с государственными бюрократиями на локальном уровне. Репрезентации государства создаются не только в средствах массовой информации: они также возникают в публичных практиках различных государственных институтов и агентов. В Манди, ближайшем к Алипуру административном центре, учреждения государственных бюрократий сами по себе служили местами, где происходил обмен важными сведениями о государстве и формировались мнения по поводу политики или чиновников. Многочисленная публика обычно образовывала маленькие группы в локальных судах, окружных магистратах, больницах или полицейских участках, живо обсуждая и дебатировав последние новости. И именно в таких местах, где местные жители взаимодействовали друг с другом и с обитателями соседних городков, в той же мере, что и в средствах массовой информации, обсуждалась и дебатировалась коррупция.

Следовательно, пристальное рассмотрение этих мизансцен позволяет нам понять, что представляют собой взаимоотношения между государственными служащими и клиентами на локальном уровне. В данном разделе я опираюсь на три кейса, которые показывают спектр взаимоотношений между чиновниками и сельскими жителями.

Первый касается пары государственных служащих, занимающих низкие, но важные позиции в бюрократической иерархии, которые удачно пользуются неопытностью двух местных жителей.

Второй рассматривает частично успешные действия низкокастового человека: апеллируя к высокопоставленному чиновнику, он защищает себя от угроз со стороны могущественного старосты [headman]¹, у которого есть союзники среди бюрократов.

---

¹ Староста – официальное лицо, избранное всеми зарегистрированными избирателями деревни. Политические партии редко участвуют в деревенских выборах – в том

Третий пример опирается на череду действий, предпринятых могущественным Союзом Бхаратия Кисан (буквальный перевод – Индийский крестьянский союз), низовым движением фермеров, часто вызывающим ужас у чиновников. Облекая в конкретную форму то, что в иных случаях было бы абстракцией («государство»), эти повседневные взаимодействия дают один из ключевых компонентов, посредством которых конструируется государство.

В маленьком, но процветающем Манди¹ размещаются низшие слои огромной государственной и федеральной бюрократии². Большинство важных чиновников округа, включая тех, чьи должностные позиции находятся в Манди, предпочитают жить в другом, более крупном городе, который служит окружным центром. Отчасти это обусловлено низкой доступностью съемного жилья (как я, к своему разочарованию, обнаружил); равным образом это позволяет им находиться вблизи вышестоящих администраторов.

Шармаджи был патвари [*patwari*] – чиновником, который ведет земельный кадастр примерно пяти-шести деревень (или пяти тысяч участков), расположенных на окраине Манди. В ведении патвари находится регистрация актов кадастрового учета, измерение участков для их занесения в кадастр и оценка качества земли. Патвари ведет учет смертей в семьях на случай спора наследников по поводу собственности или необходимости раздела участка. Есть и другие чиновники кроме патвари, главная, если не единственная, задача которых – заниматься кадастрами. В среднем на деревню приходится по два чиновника. Какой бы удивительной ни казалась такая бюрократическая неразбериха, не следует забывать, что земля является главным средством производства в этой местности.

Шармаджи жил в маленьком неказистом домике в глубине старой части города. Пусть и не с первого раза, я все-таки определил, какая из узких петляющих дорожек приведет меня к нему. Нижняя часть дома состояла из двух комнат и маленького закрытого внутреннего двора. В одной из этих комнат была большая дверь, выходящая на улицу. Эта комната служила «офисом» Шармаджи. Именно здесь его можно было найти в окружении клиентов, подхалимов и коллег. Двое мужчин

смысле, что кандидаты не представляют национальные или региональные партии. Старосты не рассматриваются ни как часть администрации, ни как низовая ячейка политических партий, хотя они могут играть важную роль в представительстве деревни перед бюрократическими и партийными институтами.

¹ Как и все остальные наименования в этой работе, это вымышленное название. Вдобавок, из-за щекотливости материала, все личности и должности упомянутых лиц были изменены до неузнаваемости.

² Так как слово «федеральный» редко используется в Индии, я буду заменять его индийским эквивалентом, т.е. «центральный».

почти всегда находились при нем. Один из них, Верма, патвари родной деревни Шармаджи (а значит, его коллега), явно был в подчиненном положении. Он выполнял роль альтер эго Шармаджи: заполнял для него бумаги, вел переговоры о том, сколько стоит «решить вопрос» – порой сам, порой в качестве посредника – и в целом был поверенным и консультантом, помогавшим Шармаджи найти лучшую стратегию, чтобы обойти административные и правовые ограничения в передаче собственности. Вторым был Человеком по имени Пятница на полной ставке, выполнял разного рода поручения и рутинные задачи как по «официальным» делам Шармаджи, так и для его домохозяйства.

Вдоль двух стен тянулись скамейки; в глубине, прямо напротив входной двери, располагалось возвышение, едва вмещавшее трех человек. Именно здесь восседал Шармаджи и держал суд¹, здесь он вел земельные дела деревень, которые относились к его ведению. Со своими вопросами все обращались в данный «офис». В этом крошечном помещении постоянно собирались две-три группы людей, пришедших по различным делам. Шармаджи говорил одновременно со всеми, часто переключаясь между собеседниками прямо посреди фразы. Каждый из присутствовавших принимал участие в обсуждении проблем других посетителей. Шармаджи часто акцентировал свои заявления, обращившись ко всем с риторическими вопросами: «Сказал ли я что-то не так?» или «Правильно я говорю или нет?».

Большинство дел, которые велись в этом «офисе», были довольно стандартными: добавление или удаление имени из регистрации права собственности [land title], раздел участка между братьями; урегулирование претензий относительно спорных сельскохозяйственных угодий. Участки были отделены друг от друга маленькими насыпями, сооруженными самими фермерами, а не заборами или иными ограждениями – и поэтому землю просто вспахивали, когда хотели обозначить свою претензию на нее. Дюйм за дюймом вспахивая соседский участок на протяжении нескольких лет, хищнически настроенные фермеры в конце концов присоединяли целые футы земли. Если сосед сопротивлялся и хотел вернуть свою землю, он шел к патвари, который, чтобы разрешить спор, измерял землю с помощью мерной ленты. Конечно, все это «стоило денег», но в большинстве случаев «расценки» были хорошо известными и фиксированными.

Каким бы открытым ни был процесс дачи взяток и каким бы публичным ни был вопрос, имелся, тем не менее, перформативный аспект, которым нужно было овладеть. Я проиллюстрирую это историей провальной взятки. Однажды, когда я добрался до Шармаджи в середине дня, двое молодых людей из деревни, находящейся в ведении Вермы,

---

¹ Я использую выражение «держать суд», потому что стиль работы Шармаджи напоминал индийский *darbaar*, королевский суд.

пытались внести имя в земельный кадастр. Они сидели по левую руку на боковой скамейке. Обоим не было и двадцати. Резиновые тапки и растрепанные волосы выдавали в них деревенских жителей, и это впечатление усиливалось одеждой, которая, очевидно, не была сшита портным (обычно обслуживавшим молодых городских модников). Они были не в своей тарелке, сидя в комнате Шармаджи, и стремились скрыть свою нервозность за нарочито уверенным тоном.

Я так и не узнал, зачем они хотели добавить имя в кадастр, но мне сказали, что это связано с их попытками получить одобрения под залог земли. Когда я вошел, переговоры уже зашли в тупик: молодые люди решили, что справятся с бюрократическими формальностями самостоятельно, без помощи Вермы.

Шармаджи и остальные присутствующие (некоторые из них были фермерами, стремившимися побыстрее решить собственные дела) сначала убедили молодых людей, что им никогда не удастся сделать это своими силами. Для этого им в агрессивной форме предложили сперва пойти и попытаться решить вопрос самостоятельно, и, если не удастся, вернуться к Шармаджи. «Если вы не справитесь, я буду всегда готов помочь вам», – сказал Верма. Один из фермеров тут же сообщил молодым людям, что у Шармаджи обширные связи. Без ложной скромности Шармаджи добавил от себя, что когда крупные фермеры и важные лидеры хотят решить вопросы, они приходят именно к нему.

Возможно, из-за того, что они прежде не знали о его репутации, нервные клиенты поникли. Вскоре они начали молить о помощи: «Тау [старший брат отца], ты знаешь как лучше, зачем нам носиться вокруг, когда ты здесь?». Шармаджи поручил Верме «помочь» молодым людям. «Помоги им решить их вопрос», – убеждал он Верму, на что тот отвечал: «Я никогда и не отказывался им помогать». Двое патвари вышли в соседнюю комнату, где коротко переговорили шепотом. Шармаджи вернулся и громко провозгласил, что нужно будет «заплатить за это». Молодые люди тут же захотели узнать, сколько потребуется, на что Шармаджи ответил: «Вам следует спросить у него [Вермы]». В этот момент на сцене вновь оказался Верма. Молодые люди повторили вопрос ему. «Дайте столько, сколько хотите», – сказал он. Когда они снова задали вопрос, Верма ответил: «Не мне решать. Сами определяйте сумму».

Клиенты стали перешептываться друг с другом. Наконец, один из них нашелся, опустил руку в карман рубашки и аккуратно извлек из него несколько сложенных купюр. Он передал 10 рупий Верме¹. В от-

---

¹ На 1980 г. по стандартному курсу 1 доллар равнялся 18 рупиям, т.е., в сущности, клиент вручил Верме эквивалент 56 центов. Однако эта цифра вводит в заблуждение,

вет Шармаджи разразился хохотом, а Верма улыбнулся. Шармаджи сказал ему сквозь смех: «Ты был прав». Верма обратился к молодым людям: «Я буду рад помочь вам даже за 10 рупий, но сперва вам требуется подпись старосты вашей деревни, таков закон». Шармаджи сказал им, что они ничего не смыслят в законодательстве, что одна только подача заявления обойдется более чем в 14 рупий, поскольку для того, чтобы добавить имя в кадастр, заявление должно будет полежать пару месяцев. При упоминании старосты молодые люди впали в уныние. Они объяснили, что у них не лучшие взаимоотношения, и что они принадлежат к противостоящим лагерям. Я почувствовал, что Верма с самого начала был осведомлен об этом.

Шармаджи сказал молодым людям, что им следовало бы заранее справиться о том, каковы на сегодня «расценки за то, чтобы добавить имя в кадастр». «Пойдите и узнайте, сколько стоит добавить имя в кадастр, и дайте Верме ровно половину от этой суммы». Он тут же повернулся к одному из присутствующих фермеров и спросил его, сколько он заплатил десять лет тому назад. Фермер сказал, что порядка 150 рупий. После этого Шармаджи и Верма резко встали и пошли обедать.

Молодые люди обратились к присутствующим и спросили их, знают ли они о принятых расценках. Все назвали суммы от 130 до 150 рупий – уточнив, однако, что это устаревшая информация, поскольку так было больше десяти лет назад. Молодые люди попытались выйти из проваленных переговоров с хорошей миной, сказав, что не велика будет потеря, если у них ничего не получится. Если не удастся получить займ, они продолжают работать по-прежнему – без одобрений.

Никто не смог назвать им актуальных расценок. Даже Человек по имени Пятница, который по-прежнему находился в комнате, отказался отвечать, сказав, что он не в том положении, чтобы вмешиваться, и все определяют Шармаджи и Верма. «Практика» дачи взятки, как выяснили молодые люди, была не просто экономической транзакцией, но культурной практикой, требовавшей высокой степени перформативного мастерства. Когда жители деревни жаловались на коррумпированность чиновников, они сетовали не столько на недоступность государственных услуг в силу их дороговизны, хотя это и играло немалую роль. Важнее другое: они выражали беспомощность в связи с нехваткой культурного капитала, требуемого для того, чтобы уверенно договариваться¹.

поскольку не передает покупательную способность. На 10 рупий можно было плотно невегетариански пообедать одному человеку в придорожном кафе или купить килограмм хороших манго, но этого было бы недостаточно, чтобы приобрести пару резиновых тапок.

¹ Я нахожу концепцию перформативности гендера Джудит Батлер (Butler 1990) полезной для размышлений на эту тему, в особенности поскольку она подчеркивает, что

Шармаджи и Верма искусно разыграли этот спектакль. Хотя на данном этапе они ничего не получили, чиновники знали, что молодые люди в конце концов вернутся и будут вынуждены заплатить даже больше принятых расценок. Шармаджи то представлял в качестве главной фигуры, то оказывался на вторых ролях, упрасывая своего коллегу от лица клиентов. Верма изображал готовность к выполнению работы. Дача взятки становилась исключительно жестом доброй воли со стороны клиентов, нежели сознательным способом ускорить процесс. Примечательно, насколько важно было не озвучивать сумму.

В этом случае чиновники выжали максимум из двух неопытных клиентов. Такие нижестоящие служащие, однако, не всегда добивались успеха. К примеру, для достижения целей программ развития, поставленных руководством, местные чиновники часто вынуждены искать адресатов. Впоследствии эти адресаты могут оказывать давление на местных чиновников через вышестоящие инстанции.

Под эгидой двух государственных программ, Индира Аvas Йоджна и Нирбал Варг Аvas Йоджна (дословно – Жилищная программа Индиры и Жилищная программа для малоимущих [Weaker Sections]), в Алипуре было построено несколько домов. Обе программы направлены на поддержку бедных людей, у которых не было кирпичных (*pucca*) домов. Индира Аvas Йоджна была нацелена на безземельных хариджанов (неприкасаемых), Нирбал Варг Аvas Йоджна – на тех, кто имел меньше одного акра земли, у кого не было кирпичного дома и чей доход не превышал определенного размера¹.

Мне сказали, что одним из «адресатов» был Шрипал, и я поговорил с ним у стен его нового дома. Шрипал был худощавым, щуплым человеком не старше 25 лет, жившим в деревенском районе низкокастовых (*jatav*) домов. Когда я увидел кирпичное однокомнатное жилище, возведенное рядом с домом его матери, я не мог не отметить, что оно выглядит весьма основательным. Шрипал, однако, тут же развеял мои впечатления.

Шрипал был отобран для этой программы деревенским старостой, Шером Сингхом. Когда его имя было одобрено, сотрудник программы развития деревни [village development worker]² отвел Шрипала в город,

---

действующие агенты не следуют культурному сценарию, описанному в терминах поведения, следующего правилу [rule-following behavior]. Я благодарен Дону Муру за то, что обратил внимание на этот момент.

¹ Это значение было определено 6 400 рупиями (примерно 215 долларов в год) в 1992/93 налоговом году.

² Сотрудник программы развития деревни – функционер регионального правительства, ответственный за реализацию «программ развития» в ряде деревень, количество которых варьировалось от трех до десятка в зависимости от численности населения. Как и другие чиновники, сотрудники программы развития деревни часто подвергались ротации – как минимум раз в три года.

сделал его фотокарточку и открыл на его имя банковский счет. На делопроизводственные нужды Шрипал отдал 200 рупий. После этого ему вручили документ (*parchi*), по которому следовало получить предписанное количество стройматериалов из магазина, указанного сотрудником программы развития деревни. Перевозка материалов до места строительства производилась за счет Шрипала. Сотрудник программы потребовал у него дополнительные 500 рупий за кирпичи. Шрипал клялся, что у него нет ни рупии. «Хочешь, возьми 1 000 рупий из денег на материал [из той части выделенных средств, которая предназначалась для покупки материалов], но не проси меня ничего платить тебе».

Шрипал утверждал, что сотрудник программы развития деревни в точности так и сделал, предоставив ему материал на сумму 6 000 рупий из выделенных 7 000 рупий¹. И вновь ему пришлось раскошелиться на расходы по транспортировке кирпичей от места обжига вблизи деревни. Шрипал заявлял, что ему выдали низкокачественные желтые кирпичи (*peelay eenth*), которые были неправильно изготовлены. Он также выяснил, что стоимость работ должна быть ему возмещена. Несмотря на то, что Шрипал построил дом своими руками (будучи профессиональным каменщиком), он так никогда и не получил 300 рупий, предназначенных программой для компенсации стоимости работ.

Дальше – больше: Шрипал не получил никаких материалов для двери и окна, так что жить в новом доме было невозможно. Никто из чиновников не пришел, чтобы удостовериться в выполнении работ и проверить, всего ли хватает. Шрипал жаловался, что те, чьей работой было инспектирование, просто сидели в своих офисах и формально подтверждали завершение строительства зданий, поскольку именно в их полномочиях было составлять официальные отчеты («Они – те, у кого есть ручка и бумага» [*kaagaz-kalam unhee kay paas hai*]). Сам Шрипал был неграмотным.

Пребывая в недоумении по поводу своего бездверного дома, он направлял жалобы в Управление по развитию блока и в банк, который кредитовал его для строительства. Между тем Шер Сингх, на ферме у которого поденно трудился Шрипал, рассердился на него за отказ прийти на работу в один из дней. Шрипал объяснял, что он никак не мог прийти, поскольку в тот день к нему наведались родственники и оставить их было бы негостеприимным. В любом случае, как сказал Шрипал, он не мог выполнять тяжелую работу, поскольку незадолго до этого сломал руку.

Когда Шер Сингх выяснил, что Шрипал жаловался на него и сотрудника программы в Управление по развитию блока, он пригрозил

---

¹ Шрипал заявлял, что узнал точную цену, обратившись к «людям, умеющим читать и писать». Чиновники из Управления по развитию блока [Block Development Office] рассказали мне, однако, что на такие проекты выделялось 8 000 рупий.

так его избить, чтобы тот никогда больше не появился в деревню. Опасаясь худшего, Шрипал бежал из деревни и отправился жить к своякам. Несмотря на угрозу для своей жизни, Шрипал не оставил поисков правосудия. Увидев, что его жалобы безответны, он обратился к адвокату для составления письма в Окружной магистрат, высший местный административный орган. Эта стратегия дала плоды: в деревню была отправлена полицейская группа для расследования. Когда я попросил Шрипала сообщить мне содержание письма, он отдал мне копию. «Что я могу тебе сказать? – спросил он, – Прочитай сам». В письме утверждалось, что сотрудник программы не предоставил необходимого материала и что, поскольку староста угрожал побоями, Шрипала вынудили покинуть деревню.

После визита полицейских Шер Сингх помирился со Шрипалом. Он даже нанял Шрипала для строительства дома другому человеку по той же самой программе. Более того, Шер Сингх перестал просить Шрипала о работе на своей ферме. Но сотрудник программы угрожал Шрипалу тюрьмой, если тот не выплатит 3 000 рупий в счет суммы для завершения строительства дома¹. «Один из моих родственников – тюремщик [*thanedaar*], – по слухам, сказал он Шрипалу, – и если ты не заплатишь, я сделаю так, что окажешься за решеткой». Сидя перед пустотой, на месте которой должна была находиться дверь, Шрипал сказал мне, что он был бы не прочь отправиться в тюрьму. «Какая разница? – спросил он, – Все равно не жизнь».

Несмотря на то, что Шрипал потерпел полный провал в своих званиях к правосудию, его случай показывает, что даже представители низших классов обладали практическими знаниями относительно разных уровней государственной власти. Столкнувшись с давлением со стороны старосты и сотрудника программы, Шрипал апеллировал к человеку, который располагался в бюрократической иерархии на три уровня выше. Поскольку в теории центральное и государственное правительства защищали безопасность представителей зарегистрированных каст [*scheduled caste people*], таких как Шрипал, его жалоба по поводу угрозы для жизни была воспринята с полной серьезностью. Отправка полиции в деревню являлась недвусмысленным предостережением Шеру Сингху: если он посмеет нанести физический вред Шрипалу, его постигнет возмездие карающей руки государства.

Прежде чем оставить эпизод Шрипала, я хочу эксплицитно обозначить, что эта ситуация говорит нам о транснациональных взаимосвязях. Очевидно, не стоит ожидать, что в каждом таком эпизоде обнаружится явное транснациональное измерение; это потребовало бы непосред-

---

¹ Впоследствии я узнал, что 3 000 рупий из общей стоимости выдаются в качестве займа, который должен быть возвращен в виде 20 выплат на протяжении 10 лет.

ственной детерминации, которая эмпирически неверна и аналитически беззащитна. Например, требования МВФ не объясняют непосредственно этот конкретный эпизод в программе жилищного строительства. Однако, принуждая индийское правительство к сокращению внутренних расходов, эти требования влияют на бюджет таких программ; на то, какие программы будут поддержаны, как и на каком уровне будут реализованы, на кого нацелены, на протяжении скольких лет будут продолжаться. Аналогичным образом, если задаваться вопросом о том, почему в принципе существуют такие программы развития, как строительство жилья для бедняков, и почему они инициируются и управляются государством, нужно поместить их в контекст режима «развития», который сформировался в послевоенном международном порядке деколонизированных наций-государств (Escobar 1984, 1988; Ferguson 1990). Тем самым то, что происходит на низовом уровне, комплексно опосредовано данными взаимосвязями – иногда напрямую, а иногда более сложным образом¹.

Опыт Шрипала по столкновению друг с другом государственных организаций и использованию множественности их уровней в своих целях, без сомнения, сформировал его представление о конструкции государства. Однако в конечном итоге он был повержен бюрократическими процедурами, правил которых не мог постичь. Шрипал был в числе тех адресатов программ «развития», кто пожалел о такой помощи. Он глубоко разочаровался в самих программах, посредством которых государство легитимировало свое правление. Таким образом, реализация программ развития определяет ключевую арену, где конституируются репрезентации государства и где оспаривается его легитимность.

Можно найти также обратные ситуации, когда на местных чиновников выливается недовольство жителей по поводу государственных институтов. Некоторые примеры представлены действиями Союза Бхаратия Кисан (ВКУ). Одна из наиболее частых жалоб фермеров состоит в том, что они вынуждены давать взятки чиновникам Департамента гидроэлектроэнергетики, чтобы заменить сгоревшие трансформаторы. Каждый такой трансформатор обычно обслуживает 5–10 трубчатых колодцев. Молодой фермер сообщил мне о типичном случае. Трансформатор, обеспечивающий электричеством его трубчатый колодец и трубчатые колодцы 11 его соседей, вышел из строя. Каждый внес по 150 рупий (около 10 долларов по обменному курсу того времени), и они понесли деньги младшему инженеру Департамента гидроэлектро-

---

¹ Если бы я раскрывал последствия полной цепи медиаций для каждого этнографического примера, статья бы разрослась по слишком многим направлениям и потеряла бы свой фокус. Эту задачу я ставлю перед собой в полновесной монографии. Здесь я хотел подчеркнуть необходимость помнить, что детальный анализ повседневной жизни в более чем значительной степени определяется транснациональными влияниями.

энергетики. Фермеры сказали ему, что их посадки гибнут от недостатка воды и что они попали в большую передрагу. По их словам, он ответил: «А что я могу сделать? В настоящий момент у нас нет запасного оборудования». Так что они дали ему собранные 1 800 рупий и попросили, чтобы трансформатор заменили как можно скорее. Он взял деньги и пообещал, что работа будет выполнена в течение нескольких дней, как только появится оборудование. Человек был «честен» (т.е. верен своему слову), и трансформатор был установлен спустя три дня.

Когда вскоре возникла такая же ситуация, молодой человек пошел к людям из Союза Кисан и попросил помочь раздобыть новый трансформатор. Порядка 50 из них запрыгнули в свои трактора, отправились напрямик к дому главного инженера и встали на газоне (распространенная форма гражданского неповиновения в Индии – *gherao* [окружить и заблокировать] высокопоставленного чиновника). Они отказались двигаться до тех пор, пока в деревне не будет установлен новый трансформатор. Главный инженер пообещал им, что он «немедленно направит людей». Само собой, рабочие пришли на следующий день и заменили вышедший из строя аппарат.

Не все такие инциденты заканчивались на дружественной ноте. Скорая реакция этих чиновников была обусловлена тем, что Союз Кисан уже утвердился в качестве могущественной силы в данном регионе, как станет понятно из нескольких примеров. В одном случае толпа вынесла из электростанции шесть трансформаторов среди бела дня (Aaj 1989f). Фермеры уже не боялись полиции и налоговиков, при необходимости подвергая их «аресту»: привязывая к деревьям и заставляя делать физические упражнения [“sit-ups”]. Они отказывались платить по долгам за электричество (до 60% долгов сельскохозяйственного сектора остаются неоплаченными в соседнем округе) и принуждали «коррупцированных» чиновников возвращать те деньги, которые были, предположительно, взятками. Также я слышал об инциденте в прилегающей деревне, где работники электрической фирмы были пойманы за воровством медного провода на трансформаторе разъяренными местными жителями, которые избili их и «посадили их под стражу» в деревенском доме.

Как ясно из всех описанных выше инцидентов, чиновники низшего уровня играют ключевую роль во взаимодействиях граждан с «государством». Очевидно, нельзя однозначно охарактеризовать природу и содержание контактов деревенских жителей и бюрократов. Противоположность Шармаджи и Верме, манипулирующим своими внушаемыми клиентами, составляют чиновники, которые находятся в руках крестьянских активистов из ВКУ. Аналогичным образом местные чиновники используют свои бюрократические умения для того, чтобы ускользнуть или тормозить транзакции, маневрируя между разными уровнями

административной иерархии. Точно так же субалтерны [subaltern people], такие как Шрипал, демонстрируют практические навыки использования иерархической природы государственных институтов в своих целях. На локальном уровне становится сложным осмыслить государство как онтически единую сущность. То, с чем приходится сталкиваться, гораздо более дискретно и фрагментарно – кадастровые служащие, сотрудники программы развития деревни, энергетическая компания, староста, полиция, Управление по развитию блока. Однако (и мы должны всегда иметь в виду этот, на первый взгляд, противоречивый факт) такие транслокальные институты, как государство, становятся вообразенными именно через практики локальных институтов такого рода.

Описанные в данном разделе ситуации локального взаимодействия с государством позволяют выделить еще один значимый момент. Чиновники, подобные Шармаджи – которые, по всей видимости, составляют большинство государственных служащих низшего уровня бюрократической иерархии – очевидно, представляют собой интересный вызов для западных понятий о границах между «государством» и «обществом». Западный исторический опыт основан на государствах, которые размещают людей в пространствах, отличных от их домов – в офисах, военных гарнизонах, судах – с тем, чтобы маркировать их «рационализированную» практику в качестве служащих бюрократического аппарата. Такие как Шармаджи в местах своей деятельности стирают грань не только между публичной и частной ролями (служащего и гражданина), но и между стилями ведения дел¹. Почти все чиновники, занимающие схожие позиции в разных ветвях государственного аппарата, ведут себя схожим образом. Их чаще встретишь в придорожной чайной и дома, чем на рабочем месте. Теоретики модернизации будут неизменно интерпретировать это как очередное свидетельство того, что эффективные институты неспособны прижиться в странах Третьего мира. Однако с той же легкостью можно предложить иной ракурс и поставить под сомнение теоретическую адекватность (и оценочный характер) концептов, посредством которых описывается эта деятельность. Другими словами, если создается впечатление, что такие чиновники, как Шармаджи и сотрудник программы развития деревни, последовательно размывают границы между «государством» и «гражданским обществом», это происходит, быть может, потому, что эти категории неадекватно описывают жизненные реалии, для представления которых они были предназначены.

Наконец, перечислим последствия, которые этнографический материал, представленный в данном разделе, имеет для понимания корруп-

---

¹ Я хотел бы поблагодарить Джоэла Мигдала за то, что обратил мое внимание на это.

ции и реализации политических решений. Во-первых, описанные здесь персонажи – Шармаджи, сотрудник программы развития деревни, сотрудники энергетической компании – не уникальны в своем способе ведения официальных дел, в своей готовности брать взятки или в манере держать себя с представителями разных классов деревенских жителей. Во-вторых, несмотря на то, что получаемый от взяток доход существен для служащих низшего уровня, важно увидеть в них часть большей коррупционной «системы», в которую прочно встроены вышестоящие должностные лица. На самом деле, транзакции боссов Шармаджи, на несколько порядков более масштабные, зависят от его умения искусно управляться с кадастрами. Шармаджи берет количеством поставленных на поток низкорентабельных, а его боссы – качеством штучных высоко-рентабельных операций [His is a “volume business”, theirs a “high margin” one]. Он помогает своим боссам удовлетворить нужды их клиентов и в процессе обзаводится защитой и страховкой для собственных дел.

Последний аспект заслуживает более подробного рассмотрения. Распространено мнение, что даже хорошо проработанные государственные программы не удастся реализовать, и что лучшие планы проваливаются из-за повсеместной коррупции среди низших бюрократов. Такое объяснение неудач государственных программ заведомо ошибочно (а также классово предвзято). Ведь ясно, что чиновники низшего уровня являются лишь звеном в цепи коррупционных практик, которая достигает верхушки государственных организаций и охватывает электоральную политику (Wade 1982, 1984, 1985). Политики собирают средства на избирательные кампании при помощи старших бюрократов, старшие бюрократы выжимают эти деньги из своих подчиненных, а также напрямую из порученных проектов – а подчиненные, в свою очередь, следуют их примеру. Разница заключается в том, что высокопоставленные государственные чиновники получают большие суммы от относительно малого числа людей, способных заплатить, а служащие низшего звена каждый день собирают небольшие взносы от множества людей. И именно поэтому коррупция куда более заметна на низовых уровнях.

«Система» коррупции, естественно, представляет собой не только банальный набор практик, наиболее распространенных на локальном уровне. Это также и дискурсивное поле, в рамках которого этот феномен можно маркировать, обсуждать, практиковать, порицать и разоблачать. Следующий раздел посвящен анализу дискурса коррупции, и в особенности – его историческим и региональным аспектам.

Дискурс коррупции в публичной культуре

Анализ дискурса коррупции позволяет обратить внимание на мощные культурные практики, посредством которых государство символи-

чески репрезентировано для служащих и граждан нации¹. Репрезентации государства конституируются, оспариваются и трансформируются в публичной культуре. Публичная культура представляет собой зону культурных дебатов, которые ведутся при помощи средств массовой информации, других механических средств воспроизводства, а также видимых практик таких институтов, как государство (Appadurai 1990; Appadurai, Breckenridge 1988; Gilroy 1987; Gurevitch et al. 1982; Hall et al. 1980; Waites et al. 1982). Именно там (Hall 1982) разворачиваются битвы за культурные значения. Поэтому анализ заметок местных и национальных газет многое говорит нам о том, как воображается государство².

Важность средств массовой информации открылась мне, когда спустя буквально два месяца после избрания Раджива Ганди премьер-министром в конце 1984 г. высококастовый деревенский староста, чей сын был бизнесменом, тесно связанным с Конгрессом (И), сказал: «Раджив провалился». Я был удивлен услышать это от него и спросил, почему он так считает. Он ответил: «В свою предвыборную кампанию Раджив обещал искоренить коррупцию, но случилось ли это? Он не предпринял никаких мер в этом направлении». Несмотря на то, что Раджив Ганди не посетил район Алипура во время своей кампании, деревенский староста был хорошо осведомлен обо всех его предвыборных обещаниях. Как и многие другие в Алипуре, ночами он слушал и новостное вещание BBC World Service на хинди, и подконтрольное государству национальное радио (*Akaashvaani*). Он неплохо разбирался в международной повестке и часто со знанием дела задавал мне вопросы относительно современных событий в США или Иране.

---

¹ Символическая репрезентация государства – по-прежнему неизведанная территория, за редкими значимыми исключениями. Бернард Кон, например, показал, как Имперское собрание 1877 г. позволяло британскому колониальному государству репрезентировать свою власть над Индией и, в то же время, сделать «[колониальную] социологию Индии прочной и привлекательной» (Cohn 1987b: 658). См. также исследование Николаса Диркса о малом независимом государстве в доколониальной и колониальной Южной Индии (Dirks 1987).

² Я сознательно избегал использования термина «публичная сфера» в этой статье. Согласно Хабермасу (Habermas 1989 [1962]), «публичная сфера» – пространство, где с расширением буржуазных социальных формаций появляется гражданское общество. Именно там, среди буржуа, может вестись критическое, рациональное обсуждение различных тем, в том числе государства, и именно там возникают, благодаря силе образованного общественного мнения, сдержки государственной власти (Peters 1993, 1995). Поскольку в дальнейшем применимость этих категорий в анализируемом контексте ставится под сомнение, такое понятие «публичной сферы» не особенно полезно. Добавлю, что я никоим образом не подразумеваю уникальности «Запада» в качестве обладателя пространства для публичных дебатов и дискуссий. Понятие публичной сферы, однако, обозначает конкретную историческую и культурную формацию, сформированную феодализмом, королевской властью, зарождением капитализма, важностью городских центров и доминирующей ролью церкви как института, которая не повторяется в том же виде где бы то ни было в мире.

Хотя радио и телевидение, очевидно, играют значительную роль как средства массовой информации, газеты, вероятно, являются наиболее важным механизмом в публичной культуре, способствующим циркуляции дискурсов о коррупции¹. В исследовании транслокальных феноменов, таких как «государство», газеты предоставляют сырой материал, необходимый для «насыщенного» [“thick”] описания. Это станет очевидным, если сравнить газетные заметки – концептуализированные как культурные тексты и исторические документы – с устными интервью. Поскольку газетные заметки пишут непременно местные корреспонденты, они составляют, как и устные интервью, определенную форму локального знания. Ясно, что наивно считать их имеющими привилегированное отношение к истине социальной жизни. Однако если рассматривать газетные заметки как важные дискурсивные формы, посредством которых повседневная жизнь преобразуется в нарратив и воображаются коллективы, то они могут многое дать. Конечно, нарративы, представленные в газетах, пропущены через институциональные фильтры, но одно это не дает повода считать их репрезентации менее достоверными. Обделенные вниманием со стороны исследователей современной жизни, они мистическим образом превращаются в бесценные «полевые данные», стоит только пожелтеть уголкам их страниц². Однако остается не вполне ясным, каким магическим способом время превращает «вторичные» данные антрополога в «первичные» данные историка.

В пользу анализа газет выдвинут ряд теоретических соображений. Помимо этого, важность газет на местном языке (региональных или национальных) состоит в том, что в них есть специальные рубрики, посвященные местным новостям³. Они распространяются только в том регионе, к

---

¹ Для тех, кто не знаком с индийским контекстом, будет полезно отметить следующее: я концентрируюсь на газетах потому, что в то время как радио и телевидение жестко контролируются правительством, пресса относительно автономна и часто критична по отношению к «государству». Другой важный источник новостей в сельской местности, транснациональное радио, ограничивается главными индийскими сюжетами и, как следствие, не обладает детальностью и конкретностью газетных заметок.

² Это не подразумевает, что антропологи в прошлом не использовали газеты в своем анализе (см., например, Benedict 1946). Херцфельд очень понятно объясняет маргинальную роль газет: «Журналистика воспринимается как этнографически неаутентичная, поскольку она и черпает сведения извне, и риторически фактологична... Как следствие, вторжение языка средств массовой информации в деревенский дискурс было во многом проигнорировано» (Herzfeld 1992b: 94). Херцфельд настаивает на пристальном изучении газет, даже когда единицей анализа является «деревня»; другие – например, Бенедикт Андерсон (Anderson 1983) и Ашиль Мбембе (Mbembe 1992) – подчеркивают теоретическую важность газет в построении нации и при анализе «государства» соответственно.

³ Такой анализ газет рассматривает связи между локальными и транснациональными дискурсами коррупции, но не между транснациональным *капиталом* и местными газетами. Например, несмотря на то, что ни одна из газет местного значения (англо-

которому имеют отношение. Таким образом, если открыть одну и ту же газету в двух разных городах Уттар-Прадеша, некоторые страницы внутри будут совершенно различными по содержанию. Тем самым новости, относящиеся к конкретной местности, можно получать, лишь подписавшись на газету в этой местности. В этом ограниченном смысле локальные новостные заметки могут быть получены только «в поле»¹.

Метод исследования государства, развиваемый в данной работе, связывает дискурсы коррупции в прессе на местных и английском языках с заявлениями деревенских жителей и чиновников. Мы увидим, что локальные дискурсы и практики, относящиеся к коррупции, тесно связаны с репортажами из газет на местных языках и национальной прессы. Для того, чтобы продемонстрировать это положение, мы сначала обратимся к нескольким примерам из национальной англоязычной прессы, а затем сконцентрируемся на газетах на местных языках².

Тема коррупции доминировала на двух из трех национальных выборах 1980-х гг. В выпуске, подводившем итоги десятилетия, двухнедельное новостное издание *India Today* озаглавило раздел о «Политике 80-х» следующим образом: «Политика коммунизма, коррупции и сепаратизма определяет это насыщенное десятилетие» (Chawla 1990: 18)³. Избрание Раджива Ганди в ноябре 1984 г. прошло под знаменем ис-

---

язычная или на местном языке) даже частично не принадлежит транснациональной корпорации, многие из них зависят от межнациональных новостных агентств в части международных новостей. Детальное исследование должно было бы учитывать сложные взаимоотношения между локальным и интернациональным накоплением капитала. Далее, связь между владельцем и содержанием газет тяжело установить, и этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и компетенции автора. Я хочу поблагодарить анонимного рецензента за то, что обратил внимание на эти полезные вопросы.

¹ Прислушаемся к предостережению Херцфельда: «Мы не можем с пользой для себя жестко и быстро различить сельское и городское, неграмотное и образованное (или хотя бы журналистское), местное и национальное. Эти термины – урбанистичность, грамотность, национальные интересы и их антонимы – появляются в дискурсе деревенских жителей и составляют его часть [part of that discourse]... более широкие дискурсы о положении Греции в мире и кормятся, и служат пищей для суждений, высказываемых в крошечной деревне» (Herzfeld 1992b: 117). «Атака “государства” и “бюрократии” (часто еще более реифицируемых в качестве “системы”), является тактикой социальной жизни, а не аналитической стратегией. Не признавать это – значит эссенциализировать эссенциализм. Этнографически это ведет к игнорированию множественности грехов, скрытых за монолитными стереотипами “бюрократии” и “государства”» (Herzfeld 1992a: 45).

² Хотя в регионе относительно низкий уровень грамотности, влияние газет распространяется далеко за рамки грамотного населения, поскольку новости передаются устно между разными группами. Политические новости на государственном телевидении, *Doordarshan*, напротив, воспринимаются скептически, так как все знают, что за ними стоит правительство.

³ *India Today* публикуется на нескольких индийских языках, и у нее много читателей в малых городах и в деревнях. Тема коррупции непременно фигурирует в прессе на местных языках, и далее в тексте я сравню ее содержание с журналами типа *India Today*.

требления коррупции и сохранения единства нации перед лицом сепаратистских угроз, исходящих от сикхов. Именно потому, что его изначально называли «Мистер Чистюля» [“Mr. Clean”], тема коррупции в дальнейшем стала преследовать Раджива Ганди: над его администрацией сгустились тучи из-за предположительных откатов от Бофорса, шведского производителя стрелкового оружия. Более того, Бофорс сыграл ключевую роль в успешной попытке оппозиции свергнуть его режим. На выборах 1989 г., в результате которых (всего лишь второй раз за 43 года электоральной политики) к власти пришло правительство не от Национального конгресса, на горизонте появился новый лидер-«Чистюля» – В.П. Сингх. Ранее его, министра обороны, бесцеремонно выкинули из правительства Раджива Ганди, поскольку он начал расследование «дела Бофорса». Эффект разорвавшейся бомбы, который имело это дело, объясняется тем, что оно стало символом коррупции на всех уровнях власти. К примеру, кондуктор, работающий на автобусе компании дорожного транспорта штата Уттар-Прадеш, известной своей вопиющей неэффективностью, так объяснил мне отказ вернуть сдачу: «Если Раджив Ганди может взять 64 крора взятками, что страшного в том, что я возьму 64 песо с билета?»¹

Значение дискурса коррупции, однако, не ограничивается определением формата электорального соперничества между политическими партиями. Дискурс коррупции не только способствовал определению «политического», но и послужил конституированию «публичного», которое понималось как реакция на коррупцию. Поскольку этот эффект достигался во многом благодаря средствам массовой информации, нам следует уделить пристальное внимание газетам как культурным текстам, которые открывают путь к пониманию политической культуры периода. В чередке обширных предвыборных опросов популярный столичный ежедневник на английском языке, *Times of India*, попытался проанализировать политическое влияние [дела. – *Леп.*] Бофорса и установить, как *электорат* воспринимал коррупцию. Одна из статей начинается с цитаты деревенского жителя, который заметил: «Если одна [политическая партия, т.е. Конгресс] – ядовитая змея, то другая [оппозиционная партия] – кобра» (*Times of India* 1989: 1). Статья продолжается утверждением: «Для обычного человека нет разницы, находится у власти Конгресс или оппозиция – он вынужден мириться с всепроникающей коррупцией, которая влияет на все сферы... Бофорс не имеет отношения к их жизни, в отличие от продовольственной карточки и работы».

Далее в статье обсуждаются взаимоотношения «рыдового гражданина» и государства с отсылкой к роли формальной политики и политиков:

---

¹ По тогдашнему курсу, 64 крора рупий = 36 млн долларов, а 64 песо равнялись 3,6 центам, на что нельзя было купить и чашки чая.

В У.Р. [Уттар-Прадеше. – Пер.] большинство чувствует, что [расширяющаяся коррупция] уходит корнями в возрастающую коррупцию в политических кругах. М.П. Верма, лидер непривилегированного класса из Гонды, отметил, что сегодняшние политики ведомы программой из одного пункта – взять власть любой ценой. И все огромные суммы, потраченные на выборы, получены нечестным путем. «Без коррупции нет политики», – сказал Аминчанд Аджмер, бизнесмен из Бхопала (Times of India 1989: 1).

Тема коррупции постоянно возникала в материале *India Today*, посвященном правительственному плану помощи бедным. В статье обращалось внимание на то, каким образом выделенные центральным правительством ресурсы нецелевым образом расходовались в Мадхья-Прадеш (India Today 1989)¹. В этом примере формальная политика не сводилась к соперничеству между политическими *партиями*, а бюрократический аппарат (где раздавали выплаты за работу) не смешивался с режимом (которому, предположительно, шли доходы от Бофорса). Напротив, дискурс коррупции послужил символическому конструированию довольно сложной картины власти в публичной культуре.

Я изучил также местные версии шести наиболее читаемых в Манди газет на хинди с разной политической направленностью: *Aaj*, *Dainik Jaagtan*, *Amar Ujaala*, *Hindustan*, *Rashtriya Sahaara* и *Jansatta*. Между англоязычными газетами и журналами с их образованным читателем, горожанином из среднего класса, и местной прессой есть существенная разница. Это объясняется структурной локализацией национальных англоязычных ежедневных газет в ключевых регионах – городских центрах капитала, большой политики, администрации и образования. Местные газеты сохранили более насыщенное понимание многоуровневой природы государства, поскольку их репортажи всегда освещали события из разных мест, которые соответствовали низшим уровням государственной иерархии. Они, однако, не могли в то же время игнорировать события на высших уровнях государства (региона) и нации. Столичные газеты, напротив, сосредоточивали свое внимание почти исключительно на крупных событиях, а местные бюрократии упоминались только в жалобах граждан на городские службы. Местная пресса, таким образом, особенно ясно очерчивала многослойную и полицентрическую природу «государства».

Газеты на хинди, распространяемые в пределах одного региона и читаемые по большей части жителями множества малых городов и больших деревень, разбросанных по сельской местности, в противоположность «национальным» ежедневным газетам на хинди (таким как *Navbrahat Times*), были гораздо менее подвержены тому, чтобы реифицировать государство как монолитную организацию с единой властной

---

¹ Речь идет о программе интегрированного развития сельской местности.

вертикалью. Они взяли за правило называть конкретные департаменты государственной бюрократии. Кроме того, местная пресса, как представляется, с бóльшим рвением бралась за истории коррупции, чем столичные газеты¹.

Например, ежедневная газета *Aaj* пестрила такими заголовками: «Полиция греет себе карманы» (*Aaj* 1989a)², «Рэкет в туберкулезном госпитале» (*Aaj* 1989e) и «Фермеров изводит чиновник консолидации земель [Land Consolidation Official]» (*Aaj* 1989d). Ни в одном из этих сообщений государство (*sarkaar*) не фигурировало как целостная сущность. В каждом из них были названы отдельно взятые департаменты, а нередко также и конкретные лица. Весьма детально документировалось, в чем состояли коррупционные практики. Например, статья о туберкулезном госпитале указывала, какую конкретно сумму взимали за каждый этап (5 рупий за тест, 10 рупий за врача, 5 рупий за рецептурщика и так далее) лечения, которое должно было быть бесплатным. В статье о чиновнике консолидации земель называлось его имя и указывалось, какие суммы он требовал в качестве взяток от конкретных фермеров (которые также были названы). Схожим образом в новостном сюжете о полиции сообщалось, что конкретный районный отдел вымогал деньги у автовладельцев, угрожая фальшивыми постановлениями.

Две черты этих сообщений особенно бросаются в глаза. Во-первых, государственные чиновники в верхних эшелонах иерархии часто изображались совершенно глухими к жалобам – и даже замешанными в коррупционных практиках. «Несмотря на ряд жалоб граждан к главе региона, не было принято никаких мер», – повторялось из одной статьи в другую. К примеру, короткая заметка сообщала, что поставщик, выполнявший контракт по субсидированному сахару и керосину, продавал их на черный рынок, пользуясь политической протекцией и при полном попустительстве региональных руководителей (*Aaj* 1989b). Сходным образом, другая история, «Не подсластишь – не дозвонишься» (*Aaj* 1989c), сообщала о том, как коррумпированные сотрудники департамента связи говорили клиентам, чтобы те шли и жаловались столько, сколько им будет угодно – но до тех пор, пока работники не получат свои любимые сладости³, телефоны клиентов не заработают.

Второй заслуживающей внимания чертой региональных газетных заметок являлся упор на *публичное* и его конструирование. Обыденной дискурсивной практикой было говорить о «публике» (*janata*), которую в открытую эксплуатировала полиция, или «гражданах» (*naagarik*),

---

¹ Этот факт должен развеять миф о том, что дискурс коррупции существует только среди городского среднего класса «вестернизированных» индийцев.

² Греть карманы – метафора взятки. Я перевел все заголовки с оригинала (на хинди).

³ Сладость, о которой идет речь, – известная в регионе *pedaas* из Матхуры.

притесняемых нелегальной торговлей, или «людях» (*log*), чьи неприкрытые обвинения против госпиталя были опубликованы, или «простых фермерах» (*bholaay-bholaay kisaan*), которых безжалостно эксплуатировал чиновник консолидации земель. Во всех случаях функцией прессы было предоставить площадку, где могли высказываться жалобы масс и могло продвигаться общее благо (*janhit*).

Пресса, конечно, делала много больше, чем просто озвучивала существовавшие жалобы. Государство, сконструированное здесь, состояло из разрозненных, практически не скоординированных друг с другом институций, из множественных уровней власти, не подотчетных обычным людям, и из работников (не беспокоившихся за занимаемую должность), которые относились к гражданам с пренебрежением. Эти статьи одновременно также создавали субъектов¹, которые изображались эксплуатируемыми, беспомощными и разгневанными. Я подчеркиваю функции газет, чтобы привлечь внимание к риторическим стратегиям, используемым в средствах массовой информации для мобилизации граждан, которые ожидают, что государственные институты должны быть подотчетными.

Хотя я жестко различал англоязычную прессу и прессу на местных языках в их представлениях о «государстве» и конструировании субъектов, нужно всегда иметь в виду два момента. Во-первых, если обратиться к газетам из разных районов Уттар-Прадеша и газетам, опубликованным на других языках (например, на урду), в прессе на местных языках обнаружится широкая вариативность². Во-вторых, средства массовой информации – это не единственный важный источник, благодаря которому происходит циркуляция репрезентаций «государства» в публичной культуре. Полиция и администрация снова и снова выражают свою озабоченность неспособностью противостоять «диким небылицам» и «слухам», которые ставят под сомнение официальную версию событий и противоречат ей. В газете *Times of India* представлена цитата сотрудника полиции из соседнего округа: «Они запускают слухи, и мы не можем с ними эффективно бороться. Эти слухи собирают толпы. А сагитированные толпы обращаются против полиции, провоцируя стычки» (Mitra, Ahmed 1989: 12). «Сарафанное радио» [the “bush telegraph”] (*sic!*) распространяет слухи быстро и убедительно (Mitra 1989)³. В отличие от других технологий коммуникации, таких как газеты, радио и телевидение, слухи нельзя контролировать, просто заткнув

---

¹ Вероятно, здесь более оправданно говорить о «субъектных позициях» [subject-positions], чем просто о «субъектах».

² В данной работе мой анализ ограничивается газетами на хинди, которые публикуют местные новости в регионе Манди.

³ Замечательное исследование важности слухов в сельской местности можно найти в (Amin 1984). Более полный анализ предполагал бы обращение к роли радио и телевидения (находящихся под контролем государства) во всем этом.

рот источнику (Coombe 1993). Слух, таким образом, становится чрезвычайно эффективным средством для борьбы с официальной точкой зрения, особенно когда государственные агентства выходят за рамки принятых местных порядков.

По определению, коррупция – это нарушение норм и стандартов поведения¹. Обратную сторону дискурса коррупции, таким образом, составляет дискурс подотчетности². Херцфельд правильно расставляет акценты, когда говорит, что «подотчетность есть порожденная социально и насыщенная культурно амальгама идей по поводу личности, присутствия [presence] и правления... [чье] значение культурно специфично... [и чье] управление персональной и коллективной идентичностью не может быть свободным от социального опыта» (Herzfeld 1992a: 47). Ожидания по поводу «правильного» поведения, стандартов подотчетности и манеры держаться для государственных чиновников, другими словами, исходят от социальных групп в той же степени, что и от «государства»³. Иногда эти стандарты и нормы совпадают, но чаще – нет. Поэтому всегда существуют разнящиеся и конфликтующие оценки того, является ли конкретное действие «коррупционным». Использование субъектами дискурсов коррупции с необходимостью опосредовано их структурной позицией (этот тезис получит дальнейшее развитие ни-

---

¹ Именно в смысле нарушения норм этот термин часто распространяют на моральную жизнь, весьма далекую от «государства», чтобы обозначить обесценивание, нечестность, аморальность, порок, нечистоплотность, разложение и осквернение. Литература о коррупции полна страдальческих попыток найти набор культурно универсальных, неизменных норм, которые позволили бы отнести те или иные действия к «коррупции». Это громкое начинание вскоре скатилось к этноцентризму и догме, а за этим последовал продолжительный период интеллектуального молчания. Безусловно, не все работы о коррупции попали в эту этноцентрическую колею; некоторые достаточно эксплицитно ставили под сомнение предпосылки модернизационной теории. Единственная причина, по которой я решил не тратить слишком много места на обсуждение литературы о коррупции, состоит в том, что в ней крайне мало сказано о главных проблемах моей работы, а именно этнографическом анализе повседневного функционирования государства и дискурсивного конструирования государства в публичной культуре. Единственное исключение составляет серия работ Вейде (Wade 1982, 1984, 1985), который этнографически описывает коррупцию, используя методы наблюдения и интервьюирования государственных чиновников. Репрезентативную выборку разных точек зрения в литературе о коррупции можно найти в (Clarke 1983; Heidenheimer 1970; Huntington 1968; Leff 1964; Leys 1965; Monteiro 1970; Scott 1969, 1972 и Tilman 1968). Более новую монографию см. (Klitgaard 1988).

² Я благодарен Лате Мани за то, что обратила на это мое внимание.

³ Например, высокопоставленный чиновник, который не сумел помочь близкому родственнику или односельчанину получить должность, часто подвергается резкой критике со стороны окружающих за то, что не выполнил свои обязательства перед родней и деревенской братией. С другой стороны, те же самые люди часто подвергают резкой критике всякого чиновника из другой касты или деревни, который сделал ровно то же самое – как коррумпированного и виновного в непотизме.

же). Но государственные чиновники тоже занимают множественные позиции в различных режимах власти; как следствие, они одновременно и используют весьма разнообразные дискурсы подотчетности, и испытывают на себе их воздействие. Способ, при помощи которого эти чиновники уменьшают напряжение, присущее их позиции в повседневных практиках, как помогает создать определенные репрезентации государства, так и во многом формирует то, как оценивают государство, тем самым влияя на его легитимность. На самом деле, борьбу за легитимность можно интерпретировать как попытку определенным способом символически сконструировать государство и «публичное».

Более того, если задокументировать трансформации дискурса коррупции от колониальной эпохи до настоящего времени (что выходит за рамки настоящей работы), станет ясно, что постколониальное государство само породило новые дискурсы подотчетности. Действия, которые допускались и считались законными при колониальном управлении, могут классифицироваться нормотворческим аппаратом независимых наций-государств как «коррупционные», поскольку электоральная демократия воспринимается в качестве подотчетной «людям». Ощущение всепроникающей коррупции в такой стране, как Индия, может являться, в свою очередь, следствием изменений в дискурсе подотчетности, продвигаемом постколониальными националистами. Вдобавок серьезные изменения *во время* постколониального периода возникли в силу воздействия электоральной политики (как видно из дела Бофорса) и в результате мобилизации крестьянства. В регионе Манди Союз Кисан весьма успешно организовывал крестьян против государства, фокусируясь на теме коррупции низших уровней бюрократии.

Несмотря на разнообразие дискурса коррупции *внутри* регионов и *во время* постколониальной эры, конец колониализма представляет собой значимый переход. Одна из причин этого состоит в том, что националистические режимы, в отличие от колониальных, стремятся к своего рода народной легитимности, которая позволит им действовать от имени «людей». Таким образом, они возлагают новые обязанности на государственных служащих и предоставляют новые права субъектам, которые конституируются как граждане. Постколониальное государство осознанно стремится создать позиции субъектов, неизвестные в колониальную эру: «гражданство» не только обозначает принадлежность к территориальной единице, но предполагает набор прав, теоретически предоставленных субъектам, составляющим нацию¹. Один из ключе-

---

¹ Примером модернизма постколониальной нации-государства является концепт гражданства, закрепленный в конституции Индии, – понятие, которое явно восходит к идеям Просвещения по поводу индивида. Мое использование термина «граждане», на первый взгляд, отбрасывает нас к понятию «гражданского общества», против которого я выступаю в дальнейшем тексте. Я пытаюсь подчеркнуть здесь, что в постколониаль-

вых элементов дискурсов гражданства в популистской демократии, такой как Индия, заключается в том, что государственные служащие считаются подотчетными «людям». Дискурс коррупции, маркирующий действия, которые нарушают эти права, таким образом дает самим гражданам представление о своих правах¹.

Роль Союза Кисан еще более подчеркивает региональное разнообразие в дискурсе коррупции. Западный Уттар-Прадеш (регион, в котором расположен Манди) являлся центром очень успешных мобилизаций аграриев во главе с зажиточными крестьянами. Это движение поначалу возглавлял Чоудхари Чаран Сингх, бывший премьер-министр, который постоянно критиковал «урбаноцентричность» [“urban bias”] государственной политики. С приходом Союза Кисан, которым руководил Махендра Сингх Тикаит, движение получило новое направление². Землевладельческие касты в этом регионе стали достаточно процветающими, поскольку они являлись главными бенефициарами зеленой революции. Но полученное благосостояние еще предстояло конвертировать в бюрократическую власть и культурный капитал. Иными словами, с учетом центральной роли, которую государственные институты играют в сельской жизни, землевладельческие касты стремятся к стабилизации условий для воспроизводства своего господства. Считая, что действия государства направлены против их интересов, они используют дискурс коррупции, чтобы подорвать доверие к государству и атаковать способ функционирования правительственных организаций³.

ном контексте понятие гражданства возникает не из буржуазной публичной сферы, а из дискурсов и практик современной нации-государства. Гражданство, таким образом, это гибридизированная субъектная позиция, которая видится совершенно иначе в постколониальном контексте по сравнению с местами, где гражданство неотделимо от возникновения «гражданского общества».

¹ Дискурс подотчетности, порожденный риторикой гражданства, не обязательно становится политически значимым. Станет он таковым или нет, зависит от уровня организации различных групп, на которые он воздействует.

² Занятно, что, хотя риторика Союза Кисан направлена против государства, ведущего антифермерскую политику, большинство низовых протестов организовано вокруг локальных проявлений коррупции. Поведение коррумпированных чиновников становится очередным свидетельством государственной эксплуатации фермеров. За исключением самых низших уровней, чиновники на всех должностях подвергаются частой ротации. Ареал их перемещений определяется рангом, однако в таком большом штате, как Уттар-Прадеш, то, что Андерсон (Anderson 1983) назвал «бюрократическими паломничествами», обычно покрывает значительные пространства. Чиновники не могут занимать должности в своей «родной» деревне, блоке, подокруге или округе (зависит от сферы их ответственности).

³ Если проанализировать дискурс коррупции в регионе, где группа господствующих землевладельцев и низшие уровни власти очевидно смешивались (как, например, в некоторых регионах Бихара), то, вероятно, можно обнаружить, что он обретает совершенно иные формы.

Дискурс коррупции имеет центральное значение для понимания отношений между государством и социальными группами именно потому, что он играет эту двойственную роль, позволяя людям символически конструировать государство и определять себя в качестве граждан. Ведь именно посредством таких репрезентаций и публичных практик различных правительственных организаций государство маркируется и ограничивается от других социальных институтов и организаций. Само государство и все, что от него отделено – сообщество, форма правления, общество, гражданское общество (Klingman 1990), политическое общество – все это культурно сконструировано в конкретных идеологических полях. Следовательно, мы должны постоянно контекстуализировать конструирование государства в рамках определенных исторических и культурных конъюнктур. Я использовал дискурс коррупции для демонстрации того, как государство воображается в одном из таких исторических и культурных контекстов. Дискурс коррупции функционирует здесь как способ диагностики государства.

Воображаемое государство

Банвари, житель деревни Ашанвард в 25 км от Джайпура, выходец из зарегистрированной касты, сказал: «Я не видел Vidhan Sabha или Lok Sabha¹. Единственная часть правительства, которую я вижу, это полицейский участок в 4 километрах от моего дома. И там коррупция. Полицейские вымогают взятки и не регистрируют заявления людей из зарегистрированных каст, таких как я» (Times of India 1989: 7).

До сих пор речь шла, соответственно, о практиках на локальных уровнях бюрократии и дискурсах коррупции в публичной культуре. Вместе они формируют определенную конструкцию государства, которая увязывает воображенный транслокальный институт с его локализованными воплощениями. Правительство, другими словами, конструируется в воображении и повседневных практиках обычных людей. Конечно, это именно то, что делают «корпоративная культура» и национализм: создают возможность для появления таких нелокализуемых институтов, а затем натурализуют их. И тогда становится крайне важным понять механизмы или модальности, которые позволяют вообразить государство. Как «реальность» транслокальных сущностей становится частью нашего опыта?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо осознать ключевую роль публичной культуры, которая представляет собой одну из самых важных модальностей для дискурсивного конструирования «государства». Очевидно, не все воображают государство одинаковым образом.

---

¹ Vidhan Sabha – верхняя палата парламента, Lok Sabha – нижняя.

До сих пор в литературе мало исследовался вопрос о том, как соотносятся географически разбросанные группы людей и те средства репрезентации и ресурсы культурного капитала, которые они используют для воображения «государства». К примеру, Рам Сингх и его сыновья – достаточно зажиточные представители одной из низших каст (*jatav*) в Алипуре. Недавно они стали хозяевами телевизора [television set] как части приданого, полученного одним из сыновей. Рам Сингх, со смесью гордости и смущения, поделился тем, что с появлением телевизора работа на ферме пострадала: вместо того, чтобы заниматься орошением, они садились за экран. (Как насосы для ирригации, так и телевизор зависели от неустойчивой подачи электричества.) В разговорах он постоянно возвращался к теме телевизора.

Я интервьюировал Рама Сингха в свете предстоящих выборов (выборы были намечены на декабрь 1989 г., а разговор состоялся в конце июля). Он говорил:

Публика поет дифирамбы Радживу [Ганди]¹. Он уделяет очень пристальное внимание нуждам бедноты [*Bahut gaur kar raha hain*]. Раджив много поездил по сельской местности и лично познакомился с проблемами, с которыми сталкиваются бедные. По этой причине я определенно буду поддерживать Конгресс (И).

Мы воспринимаем правительство, которое поддерживает нас, простых людей, как если бы это были наши мать и отец [*Usi ko ham maa-baap key samaan maantey han*]. Если бы не Конгресс, никто бы не обращал никакого внимания на меньшие касты [*chotee jaat*]. Даже бог не приглядывает за нами, только Конгресс.

В этот момент вмешался его сын:

Конгресс – для всех бедных, а не только для низших каст. Они прилагают все усилия, пытаясь вовлечь людей на рабочие места в бюджетной сфере [*Bahut jor laga rahen hain, naukri mein khichai kar rahen hain*].

Рам Сингх вернулся к разговору:

Хотя у правительства и есть много хороших планов, чиновники средней руки проедают все [*beech mey sab khaa jaate hain*]. Правительство делает все возможное, чтобы помочь бедным, но чиновники не позволяют этим программам достичь бедных.

«А правительство разве не знает, что чиновники коррумпированы? – спросил я, – почему оно ничего не делает?»

Рам Сингх ответил:

Оно знает, но не все. Причина в том, что голос бедноты не достигает людей наверху [*Garibon ki awaaz vahaan tak pahuchti nahin*]. Если, например, прави-

---

¹ В то время, когда бралось это интервью, Раджив Ганди был премьер-министром Индии.

тельство выделяет четыре лакха на программу, только один действительно дойдет до нас – остальное потеряется по пути¹.

Взгляд Рама Сингха показывает некоторую преемственность со старым иерархическим видением государства². При таком подходе правитель обычно представлен как щедрый и добродетельный, в то время как местный чиновник рассматривается как коррумпированный. Хотя дело и может обстоять так, я думаю, что получится адекватно описать взгляды Рама Сингха на основе внимательного изучения современных практик без апелляции к пережиточным представлениям³. Стоит рассмотреть практики государства, которые подкрепляют его точку зрения. Когда подается заявление по поводу коррупции местного чиновника, расследование всегда ведется чиновником более высокого ранга. Таким образом, вышестоящие чиновники рассматриваются в качестве инстанции, которая может удовлетворить жалобы и наказать местных должностных лиц за коррупционное поведение.

Случай Рама Сингха напоминает нам, что все конструкции государства должны быть соотнесены с положением говорящего. Позиция Рама Сингха помогает нам понять, почему он воображает государство именно таким образом. Он – пожилой мужчина из зарегистрированной касты, в распоряжении домовладения которого находится один из пяти телевизоров на деревню, ключевой символ вертикальной мобильности. Некоторые из его сыновей образованы, благодаря чему двое из них получили достаточно хорошие бюджетные места⁴. Представители зарегистрированных каст в этой области, и джаты в частности, исторически поддерживали сменявшиеся режимы Конгресса.

Первое, что поражает в интерпретации государства Рамом Сингхом, – это то, как отчетливо он видит в нем единство, состоящее из многих слов, разных локальностей и центров. Хотя в хинди слово для режима и государства одно и то же (*sarkaar*)⁵, Рам Сингх последовательно различает режим и бюрократию. Он видит, как добрые намерения режима по отношению к низшим кастам тормозятся продажными чиновниками. Рам Сингх, очевидно, чувствует, что над тем уровнем «правительства», с ко-

---

¹ Один лакх = 100 000 рупий. В период, когда было взято интервью, 1 лакх был равен примерно 6 000 долларов.

² Я благодарен анонимному рецензенту за то, что обратил мое внимание на этот важный вопрос.

³ Другие крестьяне, которые считают, что именно низшие, а не высшие уровни правительства коррумпированы, могут придерживаться такого мнения по другим причинам, нежели Рам Сингх.

⁴ Все должности в бюджетной сфере имеют места [reservations] или квоты для зарегистрированных каст – определенный процент должностей любого уровня резервируется для представителей низших каст.

⁵ Порой используется слово *shaasan*, которое по смыслу ближе к «администрации».

торым он всю жизнь имел дело, существуют еще несколько других (самый верхний персонифицирован премьер-министром Радживом Ганди), и что разные уровни могут стремиться направить политику в противоположные стороны (в частности, политику в отношении таких представителей зарегистрированных каст, как он). Интересно, что Рам Сингх воспроизводит оправдания провальной политики (идеи в порядке, но виноваты исполнители), постоянно циркулирующие в индийских «средних классах», продвигаемые политиками из правящего режима и воспроизводимые в работах ученых, высших бюрократов и симпатизирующих чиновников из международных организаций.

Второе, что поражает в свидетельстве Рама Сингха, помимо детального описания государства как многоуровневого и полицентричного института – то, что его анализ следует распространяемому средствами массовой информации дискурсу государства и, таким образом, является транслокальным. Пример Рама Сингха демонстрирует важность публичной культуры в дискурсивном конструировании государства: он со знанием дела говорит об «общественном» [“the public’s”] восприятии Раджива и его приближенных. Представления его сына, убежденного, что Конгресс ставит бедных во главу угла, также, очевидно, во многом навеяны средствами массовой информации.

Мои подозрения, что приверженность Радживу Ганди и объяснение коррумпированности средних уровней государства обусловлены влиянием телевидения, усилились после высказывания одного из его сыновей¹:

Мы – люди безграмотные, и наш мир ограничен нашей деревней. Таким образом [т.е. смотря телевизор] мы немного узнаем о внешнем мире, о других частях Индии, о том, как живут другие люди; мы становимся немного более людьми мира [*Kuch duniyaadaari seekh laayten hain*]².

В предвыборной гонке подконтрольная правительству телевизионная сеть *Doordarshan* посвятила большинство своих новостных выпусков поездкам, которые Раджив Ганди совершал в ходе своей кампании. Очевидно, не только страна воображалась в телевизоре посредством представления различных ее частей, но и национальное государство – посредством образа «его» лидера. Народное понимание государства, тем самым, конституируется в дискурсивном поле, где средства массовой информации играют ключевую роль. Слова Рама Сингха показывают важность национальных медиа для «локальных» дискурсов о госу-

---

¹ Я ни в коем случае не подразумеваю, что просмотр телевизора объясняет, почему Рам Сингх придерживается такого мнения о коррумпированных средних звеньях государства. Он вполне может верить в это и по другим причинам. Телевидение, однако, по всей видимости, повлияло на его взгляды по этому вопросу: «Мы становимся немного более людьми мира».

² Его отсылка к «безграмотности» не должна пониматься буквально.

дарстве. Ясно, что невозможно вывести его понимание государства только из личных взаимодействий с бюрократией. Но понятно также, что он не просто повторяет сведения, полученные из телевидения и газет¹. Напротив, мы видим согласование между доминирующими дискурсами (с необходимостью разрозненными) и непременно локализованными и заинтересованными интерпретациями субалтернов [subaltern subjects]. Повседневный опыт Рама Сингха привел его к идее, что *должны* существовать государственные чиновники и организации (чьи присутствие, мотивы и действия представлены ему через средства массовой информации), заинтересованные в помощи таким людям, как он. Только это может объяснить, почему его сыновья преуспели в получении высоко ценящихся должностей в бюджетной сфере, несмотря на пренебрежение со стороны местных школьных учителей и угнетение со стороны локальных чиновников. Однако когда Рам Сингх говорит о «публичном» и демонстрирует непосредственную осведомленность об усилиях Раджива в отношении бедных, он очевидным образом опирается на распространяемое в средствах массовой информации знание о том, из *чего* состоит высший эшелон власти, кто из агентов ответствен за его действия, и какого рода политику и программы они продвигают².

Очевидно, что не существует архимедовой точки, из которой можно визуализировать «государство» – только множество локализованных знаний (Nagaway 1988). Бюрократы, например, воображают его при помощи статистики (Hacking 1982), официальных отчетов и поездок, в то время как граждане – через газетные заметки, взаимодействие с конкретными правительственными организациями, выступления полити-

---

¹ Этот тезис подчеркнут Херцфельдом в его обсуждении греческой деревни Гленди и провинциального города Ретимно: «Никогда не было серьезных сомнений в важности средств массовой информации для связи деревенских жителей с крупными национальными и международными событиями. Как фольклор в свое время, средства массовой информации порождают невероятно однородный и в то же время всепроникающий набор политических клише. Гораздо менее исследовано то, *каким образом* манипулируют этим дискурсом» (Herzfeld 1992b: 99; курсив оригинала). Разговор о манипулировании порой заставляет думать, как будто существует «глубокая» интенция, действующая в направлении определенных целей; я предпочитаю думать об употребимости, разнообразных способах использовать подобный дискурс в различных обстоятельствах.

² Неудивительно, что Рам Сингх, наряду с другими людьми, и не находится в стане ярых противников доминирующих дискурсов и практик, и не принадлежит к тем, кто безропотно идет у них на поводу. Мэддокс (Maddox 1990) утверждает, что у ученых свои причины для столь настойчивого внимания к сопротивлению. Формы явного сопротивления действительно редки, как признает Фуко (Foucault 1980: 109–145), и одновременно кооптации и сопротивления не вписывается в привычные антиномии аналитического мышления (Abu-Lughod 1990; Mankekar 1993). Действительно, попытка показать сопротивление даже в открытых жестах почтительности требует постулирования гиперстратегических рациональных акторов – аналитической стратегии, ценность которой сомнительна.

ков и т.д. Конструкции государства, очевидно, варьируются в зависимости от того, какое положение занимает тот или иной актор. Таким образом, важно учитывать конкретный контекст, в рамках которого реализована та или иная символическая конструкция государства. Важность средств массовой информации не должна затмить для нас различия в том, как по-разному локализованные люди воображают государство¹.

Например, положение Рама Сингха как достаточно обеспеченного низкокастового человека, чья семья выиграла благодаря квотам на рабочие места для зарегистрированных каст, объясняет поддержку с его стороны высших эшелонов правительства. В то же время взаимодействие с местными чиновниками научило его, что, как и власть имущие люди в деревнях, они не испытывают сочувствия к таким как он низкокастовым людям. Следовательно, у него есть четкое понимание различий между разными уровнями власти. С другой стороны, если он и разделяет со средним классом отдельные взгляды на провалы государственных программ, то это – результат смещения того, что он узнал из повседневных взаимодействий с государством, с тем, что он впитал,

---

¹ Можно возразить, что подобные утверждения ведут к аналитическому замкнутому кругу: конструкции государства контекстуальны и ситуированы [situated], однако всякая попытка определить контекст и ситуацию [situation] включает использование дискурсов, которые сами по себе могли быть сформированы, среди прочего, конструкциями государства. Следуя Фуко и в особенности Харауэй (Haraway 1988), я утверждаю, что попытки вырваться из этого замкнутого круга взаимозависимых детерминаций больших социополитических контекстов и дискурсивных позиций несостоятельны. Тот, кто проводит анализ, сам по себе является частью этой дискурсивной формации и не может рассчитывать на описание «ситуативности» [“situatedness”], которая стояла бы над, находилась бы вне и была бы отделена от анализируемого контекста. Это в точности то, чего пытаются достичь «научные» дискурсы – универсально верифицируемое описание, независимое от наблюдателя и контекста. Харауэй блестяще разоблачает заявления об объективности, присущие этим дискурсам, показывая, что «взгляд из ниоткуда», или то, что она называет «уловкой бога» [“god-trick”], скрывает волю к власти, которая создает свой политический проект. Она настаивает, что все стремления к объективности – это только частичные перспективы, контекстно зависимые и дискурсивно укорененные [discursively embedded] видения, которые не являются по этой причине неважными или непродуктивными. Другими словами, признание, что истины научного дискурса сами по себе расположены в специфических паутинах нагруженных властными отношениями [power-laden] взаимосвязей, не означает смещения в сторону беспорядочного «кто во что горазд» [“anything goes”], где все позиции субъективно определены и поэтому неоспоримы (см. также Bernstein 1985). Моя попытка описать позицию Рама Сингха в соответствии с классовой, кастовой, гендерной и возрастной иерархиями вытекает из социально-научного дискурса и ощущения политической вовлеченности в качестве постколониального субъекта. В рамках этих контекстов неравенство, бедность и власть составляют ключевые вопросы. Сомневаюсь, что высококастовый деревенский житель таким же образом описал бы Рама Сингха – равно как и правительственный чиновник или чиновник Всемирного банка. Будучи одним из описаний, оно, я бы сказал, далеко не произвольно [arbitrary]. Я признателен анонимному рецензенту за его настояние прояснить этот аспект.

как отмечает его сын, из средств массовой информации. Когда Конгресс называет себя партией для бедных, это очевидным образом резонирует с опытом самого Рама Сингха. Вот почему он именует правительство Конгресса своим защитником (*maa-baap*) и ругает чиновников средней руки за то, что они не исполняют правительственные программы. Таким образом, взгляд Рама Сингха на государство сформирован как его личными взаимодействиями с местными чиновниками, так и транслокальным воображением государства, навеянным просмотром телевидения.

Заключение

В данной работе я сконцентрировался на дискурсах коррупции в публичной культуре и повседневных взаимодействиях деревенских жителей с местными правительственными институциями для того, чтобы разработать этнографию государства современной Индии. Такого рода исследование поднимает множество комплексных концептуальных и методологических проблем, среди которых я постарался исследовать те, которые, по моему мнению, являются центральными для понимания государственных институтов и практик в принципе.

Первая проблема связана с реификацией, заложенной в описаниях «государства» в качестве целостности¹. Когда анализируется то, как местные жители и чиновники взаимодействуют с государством, становится ясно, что оно должно быть концептуализировано в терминах более децентрализованных и несвязных, чем это делалось до сих пор. Вместо того, чтобы брать понятие «государства» за отправную точку, мы должны оставить открытым аналитический вопрос по поводу условий, при которых государство *действительно* функционирует как связанное и единое целое². Все этнографические данные, представленные в этой статье – случаи Шармаджи, Шрипала, Рама Сингха и Союза Кисан, а также заметки из прессы на местных языках, указывают на необходимость признания множественности агентств, организаций, уровней, повесток и центров, осмысление которой прямолинейными аналитическими методами затруднительно.

---

¹ Испытывая фрустрацию по поводу реификации государства и будучи убежден, что это лишь источник мистификаций, Рэдклифф-Браун (Radcliffe-Brown 1940: xxiii) настаивал на том, чтобы государство было исключено из социального анализа! Одно из наиболее глубоких обсуждений этой темы можно найти в (Abrams 1988).

² Отличное исследование Ричарда Фокса о колониальном государстве в Пенджабе демонстрирует взаимное конструирование идентичностей сикхов и «государства». Он подчеркивает, что «государство» это «не “вещь”, а “происходящее” [happening]» (Fox 1985: 156), и что оно разрываемо внутренними противоречиями, неполной осознанностью интересов, некорректной реализацией проектов, нацеленных на продвижение его интересов, и конфликтом между отдельными чиновниками и организацией (157).

Вторая ключевая проблема, поднятая в этой работе, касается транслокальности государственных институтов. Я утверждал, что всякий анализ государства требует от нас концептуализировать пространство, которое сформировано пересечением локальных, региональных, национальных и транснациональных феноменов. Соответственно, я подчеркнул роль публичной культуры в дискурсивном конструировании государства. Совмещение анализа публичной культуры с изучением повседневных практик нижних уровней бюрократии помогает нам понять, каким образом реальность транслокальных сущностей становится осязаемой для деревенских жителей и чиновников.

Третий важный аргумент данной статьи, также связанный со значимостью публичной культуры для анализа государства, касается его дискурсивного конструирования. Акцент на вопросе репрезентации позволяет нам увидеть модальности, посредством которых государство воображается. Дискурсы коррупции и подотчетности вместе составляют единый механизм, с помощью которого Индийское государство дискурсивно сконструировано в публичной культуре. Нужно помнить, что дискурс коррупции сильно меняется от страны к стране, будучи зависимым от конкретных исторических траекторий и специфических грамматик публичной культуры. Однако если учесть международный контекст наций-государств, проявляются существенные сходства¹. Чтобы государство легитимно представляло нацию в международной системе наций-государств, оно должно удовлетворять хотя бы минимальным требованиям к современной нации-государству. Напряжение между легитимностью в межгосударственной системе, с одной стороны, и автономией и суверенитетом – с другой, усиливается в нациях-государствах по мере продолжающейся транснационализации публичной сферы. Нарастающая циркуляция культурных продуктов – теле- и радиопрограмм, новостей, фильмов, видео- и аудиозаписей, книг, мод – основана на гигантских сдвигах мультинационального капитала. Когда это сочетается с ослаблением торговых барьеров, мировым долговым кризисом (особенно заметным в Латинской Америке, Африке, Восточной Европе), офшорным производством и перестройкой рынков (примером которой является Европейский союз), возникает паттерн повсеместной переплетенности [crisscrossing] (Appadurai 1990). Эти комплексные культурные и идеологические взаимосвязи показывают, что дискурсы коррупции (а значит, подотчетности) с самого начала артикулируются в поле, сформированном пересечением множества различных транснациональных сил. Если коротко, чтобы понять, как дискур-

---

¹ Андерсон отмечает схожесть наций-государств, подчеркивая «модульность» «последней волны» национализма, а Чаттерджи (Chatterjee 1986) акцентирует «производный» характер национализмов Третьего мира.

сы коррупции символически конструируют «государство», мы должны исследовать феномен, границы которого не совпадают с границами нации-государства. В то же время, однако, эти дискурсы не функционируют одинаковым образом во всем мире. Напротив, в сочетании с особыми историческими траекториями они формируют уникальные гибридизации и креолизации (Gupta, Ferguson 1992).

Четвертый значимый тезис, который связан с историческими и культурными особенностями конструкций государства, – необходимость внимательного отношения к империализму западного концептуального аппарата. Вместо того, чтобы начинать с понятий государства и гражданского общества, выкованных в ходе европейской истории, я фокусируюсь на модальностях, которые позволяют государству (и одновременно тому, что государством не является), быть дискурсивно сконструированным. Обращение к повседневным практикам (включая практики репрезентации) и репрезентациям (государственной) практики в публичной культуре приводит нас к исторически специфическому и идеологически сконструированному пониманию «государства». Такой анализ в то же время учитывает другие группы и институты, которые воображаются в процессе конкуренции, переговоров и сотрудничества с «государством». Нет причины предполагать, что существует или должна существовать целостная единица, которая отделена от «государства» и находится в оппозиции к нему, является взаимоисключающей с «государством» и в сочетании с ним охватывает все социальное пространство. Я пытался подчеркнуть в этой работе, что те же самые процессы, посредством которых конструируется государство, также позволяют вообразить и другие социальные общности – граждан (Chatterjee 1990), социальные группы (Bourdieu 1985), коалиции, классы, группы интересов, гражданское общество, политику, этнические группы, субнациональные группы, политические партии, торговые союзы и фермерские организации. Для целей моей аргументации упорядочение этих общностей во всеобъемлющую систему не является необходимым. Таким образом, я не пользовался термином «гражданское общество», которое обычно играет эту роль, в представленном анализе дискурсов коррупции в Индии. Более того, данный концепт не применяется индигенно в различных процессах воображения идентичности, которые я здесь описывал¹.

---

¹ Я не защищаю наивную возможность существования «индигенной» теории, поскольку для меня непонятно, что такой концепт мог бы обозначать в эру постколониализма и позднего капитализма. Я утверждаю вместо этого, что использование концептов, возникших «на Западе», для понимания специфики индийского контекста позволяет критически рассмотреть сам аналитический аппарат (Chakrabarty 1991). Джим Фергюсон (личный разговор 8 июля 1992 г.) напомнил мне, что даже в США понятие «гражданское общество» почти не находит применения за рамками академических кругов.

Заключительный вопрос данной работы касается политического действия и активизма – проблем, которые должны быть включены в поле прикладной антропологии. В контексте государства дихотомия сотрудничества и сопротивления не является полезной для рассуждения о стратегиях политической борьбы. Причина состоит в том, что такая радикальная бифуркация не позволяет полноценно использовать тот факт, что государство – это формация, которая, по выражению Холла, «конденсирует» противоречия (Hall 1981, 1986a, 1986b). Эта дихотомия также скрывает, что никакое положение не находится ни *строго* внутри, ни *строго* за пределами государства, потому что соперничество идет за идеологическое поле. Всякая борьба против господствующих в настоящее время конфигураций власти и доминирования включает культурную борьбу, которую Грамши назвал «позиционной войной». На кону ни много ни мало трансформация способа, посредством которого государство становится сконструированным. Это борьба, которая проблематизирует историческое разделение между теми, кто выбирает политическую работу «внутри» государства, и теми, кто ведет ее «вне» государства, потому что культурное конструирование государства в публичной культуре может проистекать от (а также воздействовать на) обоих из них в равной степени.

Апологеты прикладной работы и приверженцы активистской деятельности иногда непреднамеренно занимаются одним и тем же: реифицируют государство и пытаются определить свое место по отношению к этой тотальности. Подчеркивая этот тезис, я не намереваюсь ни уравнивать различные способы участия, ни преуменьшить важность представлений (часто политически изошренных), которыми практики руководствуются в своей деятельности. Я хочу сделать акцент только на том, что представления о «государстве» имеют большое значение для определения стратегий политического действия. Так же как понятие Грамши о гегемонии привело его к идее, что 1917 мог быть последним европейским примером авангардизма (он называл это «маневренной войной»), мой анализ «государства» приводит к заключению о том, что противоречивые процессы, приводящие к «его» конституированию, могут сослужить нам хорошую службу. Эти противоречия относятся не только к разнонаправленным действиям множественных агентств, департаментов, организаций, уровней и повесток «государства», но и к оспариваемой территории публичной репрезентации. Если феномен государственного фетишизма возникает именно в этих практиках исторического нарратива и статистической абстракции, в равной степени легкого вымысла и грубого факта, то мы должны помнить, насколько неустойчивым и хрупким является это самопредставление, и что *всегда* может быть принципиально *иначе*. Например, я показал, как дискурс коррупции помогает конструировать «государство»; однако в то же

время он может потенциально усилить граждан, указывая на те действия, которые нарушают их права.

Один из способов размышлять о стратегиях политического действия, о таких дихотомиях как прикладное/активистское, внутреннее/внешнее, политический анализ/классовая борьба, девелопментализм/революция – провести исходное различие между правами [*entitlement*] и возможностями [*empowerment*]¹. «Машинерия» развития, с ее проработанной и при этом повторяющейся логикой, фокусируется на цели наделения правами. Как утверждал Джим Фергюсон (Ferguson 1990), она делает так лишь для того, чтобы убрать с дискурсивного горизонта все рассуждения о предоставлении возможностей (отсюда название его книги – «*Машина анти-политики*»). Однако они не являются взаимоисключающими. И именно игра на расколах и расхождениях, противоречиях в политике, программах, институтах и дискурсах «государства» позволяет людям создать возможности для политического действия и активизма². Я вижу в критическом размышлении о дискурсе развития отправную точку для политического действия, а не конечную цель. Даже если мы уже начинаем видеть необходимость, как очень точно обозначил Артуро Эскобар (Escobar 1992), в альтернативе *развитию*, а не альтернативных развитиях, мы должны научиться не ехидничать над плебейской политикой оппортунизма – стратегиями, которые исходят из конъюнктуры момента. Кейнс не упустил возможности напомнить экономистам и утопистам, что «в долгосрочной перспективе мы все умрем»³. У бедных же, добавлю я, отведенный срок вдвое короче.

Благодарности. Я признателен Пурнине Манкекар, Джеймсу Фергюсону, Дэвиду Нюдженту, Дону Муру, Лате Мани, Джейн Колье, Джону Петерсу, Элизабет Перри, Атулу Кохли и трем анонимным рецензентам за обстоятельные комментарии. Эта статья была впервые представлена на воркшопе «State-Society Relations» Техасского университета в Остине 8–11 февраля 1990 г. Статья существенно обогатилась благодаря критическим замечаниям участников воркшопа SSRC/ACLS совместного комитета по «Vocabularies of the State» Ближнего и Среднего Востока в Ганновере, Нью-Хэмпшир, 24–25 марта 1990 г. Я также выражаю благодарность за предложения, поступившие от участников семинара Центра исследования международных отношений в Массачусетском технологическом институте и антропологического коллоквиума в Калифорнийском университете в Ирвайне. Много интересных во-

---

¹ Амартья Сен в исследовании голода (Sen 1982) использует теорию прав [*entitlements*], чтобы объяснить, кто страдает от голода и почему. См. также (Appadurai 1984).

² Следует понимать, что я не предполагаю, что возможности интервенции есть только здесь.

³ Источником является *A Tract on Monetary Reform* (Keynes 1971 [1923]).

просов было поднято в ходе выступлений в Стэндфордском университете 12 октября 1992 г., Колумбийском университете 8 февраля 1993 г. и Университете Пенсильвании 22 февраля 1993 г.; некоторым из этих вопросов придется дожидаться развития в гораздо более объемном тексте. Я благодарю Fritz Endowment Школы международных исследований Вашингтонского университета и Fulbright-Hays за поддержку полевой работы, соответственно, в летний период 1989 г. и в академическом 1991/92 г.

References

- Aaj (1989a) Jayb Garmaanay May Juti Hai Police. (Police Busy Warming Own Pockets), *July 18*.
- Aaj (1989b) Cheeni aur Mitti kay Tel ki Kaalabazaari. (Blackmarketeering in Sugar and Kerosene), *July 22*.
- Aaj (1989c) Mathura ka Pedaa Khilao to Telephone Bolnay Lagaingay. (To Get Telephone to Work, Feed Them Sweets), *July 22*.
- Aaj (1989d) Chakbandi Adhikaari say Kisan Parayshaan. (Farmers Harassed by Land Consolidation Official), *July 22*.
- Aaj (1989e) T. B. Aspataal may Loot Khasot. (Plunder in T. B. Hospital), *July 25*.
- Aaj (1989f) Vidyut Station say Bheed Chay Transformer Uthaa lay Gayee. (Mob Carries away Six Transformers from Electricity Station), *August 11*.
- Abrams P. (1988) Notes on the Difficulty of Studying the State, *Journal of Historical Sociology*, no. 1 (1), pp. 58–89.
- Abu-Lughod L. (1990) The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power through Bedouin Women, *American Ethnologist*, no. 17, pp. 43–55.
- Ahmad A. (1987) Jameson's Rhetoric of Otherness and the "National Allegory", *Social Text*, no. 17, pp. 3–25.
- Amin Sh. (1984) Gandhi as Mahatma: Gorakhpur District, Eastern UP, 1921–1922. In: Guha R. (ed.) *Subaltern Studies III: Writings on South Asian History and Society*. Delhi: Oxford University Press, pp. 1–61.
- Anagnost A. (1994) The Politicized Body. In: Zito A. and Barlow T.E. (eds.) *Body, Subject and Power in China*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 131–156.
- Anagnost A. (1995) A Surfeit of Bodies: Population and the Rationality of the State in Post-Mao China. In: Ginsburg F.D., Rayna R. (eds.) *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. Berkeley: University of California Press, pp. 22–41.
- Anderson B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York: Verso.
- Appadurai A. (1984) How Moral Is South Asia's Economy? – A Review Article, *Journal of Asian Studies*, no. 43 (3), pp. 481–497.
- Appadurai A. (1986) Theory in Anthropology: Center and Periphery, *Comparative Studies in Society and History*, no. 28 (1), pp. 356–361.
- Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Political Economy, *Public Culture*, no. 2 (2), pp. 1–24.
- Appadurai A., and Breckenridge C.A. (1988) Why Public Culture? *Public Culture*, no. 1 (1), pp. 5–9.
- Ashforth A. (1990) *The Politics of Official Discourse in Twentieth-Century South Africa*. Oxford: Clarendon Press.
- Benedict R. (1946) *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin.

- Bernstein R. (1985) *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics and Praxis*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu P. (1985) The Social Space and the Genesis of Groups, *Theory and Society*, no. 14 (6), pp. 723–744.
- Brow J. (1988) In Pursuit of Hegemony: Representations of Authority and Justice in a Sri Lankan Village, *American Ethnologist*, no. 15, pp. 311–327.
- Butler J. (1990) Gender Trouble, Feminist Theory, and Psychoanalytic Discourse. In: Nicholson L.J. (ed.) *Feminism/Postmodernism*. New York: Routledge, pp. 324–340.
- Calhoun C. (1989) Tiananmen, Television and the Public Sphere: Internationalization of Culture and the Beijing Spring of 1989, *Public Culture*, no. 2 (1), pp. 54–71.
- Chakrabarty D. (1989) *Rethinking Working Class History*. Princeton: Princeton University Press.
- Chakrabarty D. (1991) History as Critique and Critique(s) of History, *Economic and Political Weekly*, no. 26 (37), pp. 2162–2166.
- Chatterjee P. (1986) *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?* London: Zed Press.
- Chatterjee P. (1990) A Response to Taylor’s “Modes of Civil Society”, *Public Culture*, no. 3 (1), pp. 119–132.
- Chatterjee P. (1993) *The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton: Princeton University Press.
- Chawla P. (1990) The ’80s: Politics, *India Today, International Edition, January 15*, pp. 18–25.
- Clarke M. (ed.) (1983) *Corruption: Causes, Consequences, and Control*. London: Frances Pinter.
- Cohn B.S. (1987a) The Census, Social Structure and Objectification in South Asia. In: *An Anthropologist among the Historians and Other Essays*. Delhi: Oxford University Press, pp. 224–254.
- Cohn B.S. (1987b) Representing Authority in Victorian India. In: *An Anthropologist among the Historians and Other Essays*. Delhi: Oxford University Press, pp. 632–682.
- Coombe R.J. (1993) Tactics of Appropriation and the Politics of Recognition in Late Modern Democracies, *Political Theory*, no. 21 (3), pp. 411–433.
- Dirks N. (1987) *The Hollow Crown: Ethnohistory of an Indian Kingdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Escobar A. (1984) Discourse and Power in Development: Michel Foucault and the Relevance of His Work to the Third World, *Alternatives*, no. 10, pp. 377–400.
- Escobar A. (1988) Power and Visibility: Development and the Invention and Management of the Third World, *Cultural Anthropology*, no. 3 (4), pp. 428–443.
- Escobar A. (1992) Imagining a Post-Development Era? Critical Thought, Development and Social Movements, *Social Text*, no. 31/32, pp. 20–56.
- Evans P.B., Rueschemeyer D., and Skocpol T. (eds.) (1985) *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fabian J. (1983) *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press.
- Ferguson J. (1990) *The Anti-Politics Machine: “Development”, Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foucault M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. New York: Pantheon Books.
- Fox R. (1985) *Lions of the Punjab: Culture in the Making*. Berkeley: University of California Press.
- Gilroy P. (1987) *There Ain’t No Black in the Union Jack*. London: Hutchinson.
- Gupta A., and Ferguson J. (1992) Beyond “Culture”: Space, Identity, and the Politics of Difference, *Cultural Anthropology*, no. 7 (1), pp. 6–23.

- Gurevitch M., Bennett T., Curran J., and Woollacott J. (eds.) (1982) *Culture, Society and the Media*. New York: Methuen.
- Habermas, J. (1989 [1962]) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press.
- Hacking I. (1982) Biopower and the Avalanche of Printed Numbers, *Humanities in Society*, no. 5 (3), pp. 279–295.
- Hall S. (1981) Notes on Deconstructing “The Popular”. In: Samuel R. (ed.) *People’s History and Socialist Theory*. London: Routledge, pp. 227–240.
- Hall S. (1982) Culture, the Media and the Ideological Effect. In: Gurevitch M., Bennett T., Curran J., and Woollacott J. (eds.) *Culture, Society and the Media*. New York: Methuen, pp. 315–348.
- Hall S. (1986a) Gramsci’s Relevance for the Study of Race and Ethnicity, *Journal of Communication Inquiry*, no. 10 (2), pp. 5–27.
- Hall S. (1986b) Popular Culture and the State. In: Bennett T., Mercer C., and Woollacott J. *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, England: Open University Press, pp. 22–49.
- Hall S., Hobson, D., Lowe A., and Willis P. (eds.) (1980) *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson.
- Handelman D. (1978) Introduction: A Recognition of Bureaucracy. In: Handelman D. and Leyton E. *Bureaucracy and Worldview: Studies in the Logic of Official Interpretation*. Johns, Newfoundland: Institute of Social and Economic Research, pp. 1–14.
- Handelman D. (1981) Introduction: The Idea of Bureaucratic Organization, *Social Analysis*, no. 9, pp. 5–23.
- Handler R. (1985) On Having a Culture: Nationalism and the Preservation of Quebec’s Patrioisme. In: Stocking G. W., Jr. (ed.) *Objects and Others: Essays on Museums and Material Culture*. Madison: University of Wisconsin Press, pp. 192–217.
- Hannerz U. (1986) Theory in Anthropology: Small is Beautiful? *Comparative Studies in Society and History*, no. 28 (1), pp. 362–367.
- Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective, *Feminist Studies*, no. 14 (3), pp. 575–599.
- Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. New York: Blackwell.
- Heidenheimer A.J. (ed.) (1970) *Political Corruption*. New York: Holt, Rinehart, and Winston.
- Herzfeld M. (1992a) *The Social Production of Indifference: Exploring the Symbolic Roots of Western Bureaucracy*. New York: Berg.
- Herzfeld M. (1992b) History in the Making: National and International Politics in a Rural Cretan Community. In: de Pina-Cabral J. and Campbell J. (eds.) *Europe Observed*. Houndsmills, England: MacMillan Press, pp. 93–122.
- Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- India Today (1989) A Methodical Fraud: IRDP Loans, *March 15*, pp. 74–77.
- Kasaba R. (1994) A Time and a Place for the NonState: Social Change in the Ottoman Empire during the Long Nineteenth Century. In: Migdal J., Kohli A., and Shue V. (eds.) *State Power and Social Forces: Domination and Transformation in the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 207–230.
- Keynes J.M. (1971 [1923]) *A Tract on Monetary Reform: The Collected Writings of John Maynard Keynes*, vol. 4. London: Macmillan.
- Klitgaard R. (1988) *Controlling Corruption*. Berkeley: University of California Press.
- Leff N.H. (1964) Economic Development through Bureaucratic Corruption, *American Behavioral Scientist*, no. 8 (3), pp. 8–14.
- Leys C. (1965) What Is the Problem about Corruption? *Journal of Modern African Studies*, no. 3 (2), pp. 215–230.

- Maddox R. (1990) *Bombs, Bikinis, and the Popes of Rock 'n' Roll: Reflections on Resistance, the Play of Subordinations, and Cultural Liberalism in Andalusia and Academia*. Paper presented to the 87th annual meeting of the American Anthropological Association, Phoenix, AZ.
- Mandel E. (1975) *Late Capitalism*. New York: Verso.
- Mani L. (1989) Multiple Mediations: Feminist Scholarship in the Age of Multinational Reception, *Inscriptions*, no. 5, pp. 1–23.
- Mankekar P. (1993) National Texts and Gendered Lives: An Ethnography of Television Viewers in a North Indian City, *American Ethnologist*, no. 20, pp. 543–563.
- Mbembe A. (1992) Provisional Notes on the Postcolony, *Africa*, no. 62 (1), pp. 3–37.
- Mitchell T. (1989) *The Effect of the State*. Department of Politics, New York University. Unpublished manuscript.
- Mitchell T. (1991) The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and their Critics, *American Political Science Review*, no. 85 (1), pp. 77–96.
- Mitra Ch. (1989) Tikait as Mini-Mahatma: Understanding the Rural Mind-Set, *Times of India*, August 9.
- Mitra Ch., and Ahmed R.Z. (1989) It's Naiyma's Niche, near the "Nahar", *Times of India*, August 8, pp. 1, 12.
- Mohanty Ch. (1988) Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses, *Feminist Review*, no. 30, pp. 61–88.
- Monteiro J.B. (1970) The Dimensions of Corruption in India. In: Heidenheimer A.J. (ed.) *Political Corruption*. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp. 220–228.
- Nader L. (1972) Up the Anthropologist – Perspectives Gained from Studying Up. In: Hymes D. (ed.) *Reinventing Anthropology*. New York: Pantheon Books, pp. 284–311.
- Nandy A. (1990) The Politics of Secularism and the Recovery of Religious Tolerance. In: Das V. (ed.) *Mirrors of Violence: Communities, Riots and Survivors in South Asia*. Delhi: Oxford University Press, pp. 69–93.
- Nugent D. (1994) Building the State, Making the Nation: The Bases and Limits of State Centralization in "Modern" Peru, *American Anthropologist*, no. 96 (2), pp. 333–369.
- Peters J.D. (1993) Distrust of Representation: Habermas on the Public Sphere, *Media Culture, and Society*, no. 15, pp. 541–571.
- Peters J.D. (1995) Historical Tensions in the Concept of Public Opinion. In: Glasser T. and Salmon C.T. (eds.) *Public Opinion and the Communication of Consent*. New York: Guilford Press, pp. 3–32.
- Radcliffe-Brown A.R. (1940) Preface. In: Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (eds.) *African Political Systems*. Oxford: Oxford University Press, pp. xi–xxiii.
- Rohlen T. (1974) *For Harmony and Strength: Japanese White-Collar Organization in Anthropological Perspective*. Berkeley: University of California Press.
- Rohlen T. (1983) *Japan's High Schools*. Berkeley: University of California Press.
- Scott J.C. (1969) Corruption, Machine Politics, and Political Change, *American Political Science Review*, no. 63 (4), pp. 1142–1158.
- Scott J.C. (1972) *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Sen A. (1982) *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Clarendon Press.
- Skocpol Th. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taussig M. (1992) Maleficium: State Fetishism. In: *The Nervous System*. New York: Routledge, pp. 111–140.
- Taylor Ch. (1990) Modes of Civil Society, *Public Culture*, no. 3 (1), pp. 95–118.
- Tenekoon N.S. (1988) Rituals of Development: The Accelerated Mahavali Development Program in Sri Lanka, *American Ethnologist*, no. 15, pp. 294–310.

- Tilman R.O. (1968) Emergence of Black-Market Bureaucracy: Administration, Development, and Corruption in New States, *Public Administration Review*, no. 28 (5), pp. 437–444.
- Times of India (1989) Bofors Is Not a Major Issue: Pre-Election Survey 4, *Times of India*, August 13, pp. 1, 7.
- Urla J. (1993) Cultural Politics in an Age of Statistics: Numbers, Nations, and the Making of Basque Identity, *American Ethnologist*, no. 20, pp. 818–843.
- Wade R. (1982) The System of Administrative and Political Corruption: Canal Irrigation in South India, *Journal of Development Studies*, no. 18 (3), pp. 287–328.
- Wade R. (1984) Irrigation Reform in Conditions of Populist Anarchy: An Indian Case, *Journal of Development Economics*, no. 14 (3), pp. 285–303.
- Wade R. (1985) The Market for Public Office: Why the Indian State is Not Better at Development, *World Development*, no. 13 (4), pp. 467–497.
- Waites B., Bennett T., and Martin G. (eds.) (1982) *Popular Culture, Past and Present*. London: Open University Press.
- Woost M.D. (1993) Nationalizing the Local Past in Sri Lanka: Histories of Nation and Development in a Sinhalese Village, *American Ethnologist*, no. 20, pp. 502–521.
- Yang M. M.-H. (1989) The Gift Economy and State Power in China, *Comparative Studies in Society and History*, no. 31 (1), pp. 25–54.

Перевод с английского С.С. Будзинского и И.А. Кирпичникова

Сведения об авторе:

ГУПТА Акил – PhD, профессор антропологии, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (США).

Information about the author:

Akhil Gupta – Professor of Anthropology at the University of California, Los Angeles (USA).

*Статья поступила в редакцию 26 мая 2022 г.;
принята к публикации 15 декабря 2022 г.*

*The article was submitted 26.05.2022;
accepted for publication 15.12.2022.*

*Reproduced by permission of the American Anthropological Association from American Ethnologist. 1995. Vol. 22, Is. 2. P. 375–402 (doi: 10.1525/ae.1995.22.2.02a00090).
Not for sale or further reproduction.*